

Иллюстрации
Екатерины бас

МИХАИЛ
ЛОГИНОВ

Дом Волшебных Зверей

абрикобукс

Михаил Валентинович Логинов

Дом волшебных зверей

Серия «Шаг в сторону»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73793453

Дом волшебных зверей: Абрикобукс; Москва; 2026

ISBN 9785605483663

Аннотация

Женька – единственный на свете человек, которому не нравится Питер. В любимой Тотье, из которой пришлось временно переехать, зимой идёт снег, а не снегопад, и можно нормально кататься на лыжах. В новой школе заводить друзей всего на год Женька не видит смысла. Но однажды на остановке автобуса он встречает говорящего барсука Рука, который предлагает стать друзьями, и с тех пор жизнь мальчика меняется.

Оказывается, уже много веков особые звери хранят секрет древней магии. Пользоваться ею можно только во благо: никакой личной выгоды и мошенничества, иначе дар пропадёт! Женьке рассказывают об этом новые друзья, такие же, как он, выбранные волшебными животными. Маша с голубкой Лумой, Алёнка с собакой Альмой и их случайный друг Паша становятся для Женьки настоящим Домом, где можно спрятаться от невзгод.

Но зверей, принявших магию, преследует Зверинец – организация с почти безграничными средствами, цель которой – заставить волшебных зверей работать на себя и найти способ отобрать у них магию. Только вместе Женька, Рук и другие Друзья смогут противостоять Зверинцу.

Содержание

Часть первая	9
Глава 1. Мальчик из Тьмы	9
Глава 2. Говорящий рюкзак и чёрный микроавтобус	19
Глава 3. Огонь на плитусе	33
Глава 4. Призовая пицца	51
Глава 5. Сокровища и сигналы	71
Часть вторая	101
Глава 1. Нора времени и слайды на память	101
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Михаил Логинов

Дом волшебных зверей

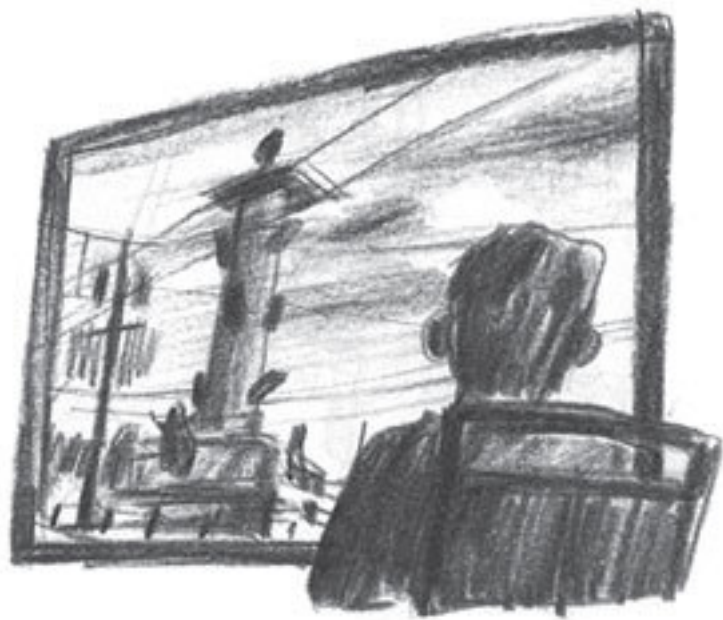
© Карчик М. В., 2026

© Маркова Е. С., 2026

© ООО «Издательство «Абрикос», 2026

* * *

*Моей любимой племяннице Вике, родившейся в
день завершения повести – 6 апреля*

Часть первая

Глава 1. Мальчик из Тьмы

«Новый год ещё не наступил, а зима закончилась. Или до Нового года зимы не будет? Или здесь её нет вообще?»

Женька прежде не жил в зимнем Питере. Поэтому не знал, бывает ли тут зима. Или с ноября по март каждый день с неба сыплется снегодождь, как сегодняшним вечером.

Для такой погоды нужны какие-нибудь осенне-зимние ботинки, в которых не холодно и не мокро. У Женьки были обычные кроссовки и шерстяные носки. Поэтому он обходил лужи грязного сероватого теста, иногда прыгал без разбега, целясь на сухой островок.

Со стороны – весёлая игра. Только Женька то и дело проигрывал, и носки давно пора было выжать. «Вот простудиться и не хватало, – думал он. – Не простужусь!»

Женька был в Питере второй раз. Впервые – с классом, два года назад, в белые ночи. Для москвичей это чудо, но Женьку таким было не удивить. В родных краях побелее будут. Жили в дальнем районе, ехали восемь остановок на автобусе, потом ещё восемь – на метро, и только тогда – Эрмитаж. Шли из зала в зал, как по перрону, на который с двух сторон прибыли поезда. В Петропавловке тоже было не про-

толкнуться. Однажды предложил классной: давайте выйдем на станции «Лесная», погуляем в лесу. А ещё лучше – доедем до «Приморской», сходим на пляж. Классная рассмеялась, сказала, что на «Лесной» леса нет, а на «Приморской» – пляжа. Женька вздохнул и подумал: сколько ждал поездки в Питер, а теперь вот хочу домой.

Сейчас Женька не ждал ничего. Похоже, он навсегда остался в городе, где нет разницы между осенью и зимой.

Мама страдала мерзкой хронической болезнью головного мозга. Требовалась операция, из тех, что делают только в Москве и Питере. Получив квоту на лечение в питерской клинике, где каждый врач – профессор, мама отправилась сюда, а Женька остался под присмотром соседки. Мама звонила, поздравила Женьку с Первым сентября, просила слушаться тётю Таню и не безобразить в квартире.

Женька в квартире не безобразил. Однако день спустя гуляли с друзьями после уроков, заметили возле подъезда маршрутку – дядя Серёжа заскочил домой поесть и не захлопнул дверцу. С шуточками залезли, увидели оставленные ключи, кто-то их повернул. Женька не сразу понял, что машина уже катится. Доехали до старой берёзы на углу. К счастью, даже в травму никому не понадобилось...

Участковый был племянник тёти Тани. Женьку в протокол не вписал, вечером полчаса говорил по телефону с мамой. А утром отвёз Женьку в Вологду, посадил в поезд.

Мама не ругала Женьку. Только сказала, что он побудет в Питере, пока она – в больнице. Екатерина Сергеевна – родственница, у которой жила мама, – устроила Женьку в школу, в восьмой класс.

Сама Екатерина Сергеевна зимовала в Черногории. Маме с Женькой достались две комнаты, четырнадцать ветвистых растений, два пожилых кота. С первого взгляда на карту Женька понял, что отсюда до Эрмитажа далеко.

– Нам повезло с квартирой, – сказала мама, – а тебе – со школой. Пять минут пешком.

– Знакомьтесь, это Евгений Звонков, он будет учиться в нашем классе, – сказала учительница. – Кстати, у Жени первый юношеский разряд по лыжам.

Обежала взглядом парты:

– Женя, садись к Гераськину.

Женька чуть-чуть смутился. Ему не понравилось, что учительница сразу рассказала про его спортивные заслуги. Но делать нечего. Разряд стал дополнительным аргументом при зачислении.

Женька кивнул классу, сел рядом с невысоким полноватым очкариком. Тот крепко пожал ему руку, шепнул: «Откуда?» Когда Женька ответил, спросил: «Это где?» Женька пояснил: в Вологодской области.

Минут через десять пришла записка: «Горные лыжи?» «Беговые», – отозвался Женька и слегка смутился. Он уже

понимал, что беговые лыжи котируются ниже горных.

Следующим уроком была физра. День стоял холодный, но сухой. Сначала бегали на школьном стадионе. Женька без напряжения оказался в первой пятёрке. Мог бы прибавить, но не хотел быть круче всех в первый день.

Потом – футбол. Санька Гераськин попал в другую команду, вратарём. Женька знал, что хороших игроков на ворота не ставят. Очкарик следил за мячом, иногда угадывал угол, но мяч был хитрей и проворней.

Когда физрук посмотрел на часы, Женька повёл мяч к противоположным воротам. Гераськин взглянул на него. Женька прочёл: «Пожалей!» Женька чуть притормозил.

Сзади донеслось:

– Лыжник, бей!

Женька ударил и сразу понял – есть! Когда Гераськин нагнулся за мячом, раздался свисток...

Ребята из Женькиной команды похлопали новичка по плечу. Тот так же, правда послабее, хлопнул Саньку. Гераськин отскочил и прошипел в ответ что-то недоброе. Показалось или нет, но по дороге к школьному крыльцу подходил к парням и девчонкам, показывал на новичка, шептал.

До звонка оставалось минут пять, когда Гераськин подошёл к Женьке и громко спросил его:

– Я не расслышал, ты из какой тьмы?

– Я же сказал, из Тотьмы, – улыбнулся Женька. Он уже

привык, что не все в Питере знают этот город.

– А чем та тьма отличается от другой тьмы? – серьёзно спросил Гераськин.

Женька растерялся. Он был готов к наездам. Но не подумал, что поводом для наезда станет имя родного города.

– Ну, не я же так город назвал...

– Не понял, – продолжал удивляться Гераськин. – Ты из какой тьмы? Есть тьма крошечная. Есть тьма египетская. Есть тьма-тьмушая – бесконечное число. Есть тьма – монголо-татарская воинская единица. Так из какой тьмы ты явился к нам?

После каждой фразы звучал хохот. Похоже, Гераськин был одним из центров силы в классе. Ботаник, но свой в доску. Учёный тролль.

Женька хотел дожидаться, когда «тьмы» иссякнут. И объяснить, что Тотьма – старинный город в Вологодской области. Что это родина мореходов, что тотьмич Иван Кусков основал русскую крепость в Калифорнии – Форт-Росс. Но прозвенел звонок, и ребята, продолжая ржать, вошли в класс.

– Как же он стал чемпионом по лыжам? – спросила за спиной девчонка.

– С фонариком катался, – хохотнул кто-то.

– По асфальту, – уточнил Гераськин. – Паралимпийская спортивная дисциплина.

Смех стал громче, а Женьке захотелось заплакать.

«В драку не лезь, – советовал на прощание Колька – один из лучших друзей, увы, оставшийся в Тотьме. – Вот если предьявили – бей первым». Женька драться не любил. Всё равно потом ругал себя, что не врезал Гераськину в тот же день. Не сказал хотя бы: «Хочешь узнать тёмную сторону силы?»

А через два дня случился контрольный провал. Класс поехал на экскурсию в Русский музей. Ходили медленно, Женьке понравилось. И дёрнуло же спросить под конец:

– А мы дойдём до Рыцарского зала?

Экскурсоводша удивлённо взглянула на него:

– Рыцарский зал – в Эрмитаже.

Женька покраснел. От стыда застучало в ушах. И расслышал:

– Вы не удивляйтесь. Наш разрядник по асфальтовым лыжам – из тьмы.

Что характерно, сказал не Гераськин, а Юлька Солдатов, пожалуй, самая красивая девчонка в восьмом «А». Для Женьки это было особенно обидно. Юля была настоящей школьной... ладно, хотя бы королевой класса, со своим двором из фрейлин и рыцарей. Женьку она до этого не замечала.

Сегодня заметила и произвела в шуты.

К насмешкам Женька привык. Но однажды за воротами школы к нему подошли. Двое из параллели и Макаров, одноклассник. Про Макарова Женька слышал, что тот дружит

с мутными пацанами.

– Лыжник, может, ты ещё и боксёр? – спросил высокий парень в чёрной блестящей куртке и надвинутой на лоб чёрной же вязаной шапке. От куртки разило куревом. Макаров держался на шаг позади приятелей. Будто ни при чём.

– Не, – ответил Женька.

Надо было продолжить: «Не боксёр, а каратист». Или: «Не, я просто псих – убью и не замечу».

Вот только так говорят на кураже. Которого у Женьки не было. Мама в больнице, сегодня ждёт. Не до куража.

– Тогда должок за тобой, – сказал парень в чёрной шапчонке. – Ты два месяца учишься без происшествий. Правда, Мак?

Макаров кивнул.

– Это мы тебя охраняли. Пошли, обсудим.

Парень в чёрной шапке направился к гаражам, второй толкнул Женьку.

И тут Женька представил, как явится в больницу к маме с синяками на лице. Мама взглянет и тихо скажет: «Не мог хотя бы здесь обойтись без историй?»

Мамин голос был так печален, что Женька не ответил ударом на толчок, а рванул в сторону, по глубокой луже и узкому газону. Перелетел дорогу – истошные сигналы двух автомобилей заглушили смех и улюлюканье.

Бежал минуты три, оглянулся – не преследовали. Видимо, Макаров рассказал друзьям, что с бегом у мальчика из Тьмы всё в порядке.

Лыжи в квартире нашлись. Они стояли в кладовке со шкафом на восемь полок и антресолями – всё старое, самодельное. Женька заглянул в кладовку в поисках отвёртки – на кухне отвалилась дверца буфета. Нашёл склад инструментов. Починил дверцу и два табурета, прибил плинтусы, перевесил карниз, а так как стремянки не обнаружилось, укрепил ножку тумбочки – залезал на неё, когда возился с карнизом. Без отца жил с пяти лет, привык к ремонтам.

Других развлечений не было. Смартфон – звонил, но, если юзать как комп – зависал. В Тотье отнёс бы его Серёже, мастеру оживить и умерший айфон, и колхозный сепаратор. А куда здесь – не знал.

Женька часто стоял у окна. Глядел на машины, иногда по ним гадал. Если после третьей легковушки из-за угла выедет грузовик, маме назначат операцию на следующей неделе. А если автобус – они вернутся домой до Нового года. Дома нормальный снег, нормальный телевизор и друзья. Живут в Тотье, и им это не смешно.

Сегодня Женька возвращался из больницы. За спиной подпрыгивал большой рюкзак с пустой кастрюлей. Мама попросила принести варёную картошку – хотела отдохнуть от больничной еды. В кладовке отыскался старый брезентовый рюкзак. В нём легко поместилась кастрюля – чтоб картошка не остыла.

В палате, при соседках, мама шутила. В холле – уже нет. С болезнью оказалось совсем не просто. Профессор поставил диагноз и опять куда-то отбыл.

– Понятно, – вздохнул уже Женька, – значит, после Нового года. Мама, давай поедem домой, а в январе вернёмся.

Мама ответила, что без профессора её не выпишут. Женька сказал, что он и пол в квартире моет, и поливает несчастные растения, и жарит котлеты из магазинного фарша. Поцеловались, расстались, и теперь Женька шёл, точнее, пры-

гал домой. Ветреный снегодождь гнал вперёд.

Добрался до пустого павильона трамвайной остановки – хоть какое-то укрытие. Решил передохнуть от дождя, с сомнением посмотрел на мокрую скамью, махнул рукой, сел.

И услышал тихий, но отчётливый голос:

– Мне нужна помощь.

Глава 2. Говорящий рюкзак и чёрный микроавтобус

Женька взглянул в левый угол стеклянного павильончика и удивился. Но не так, как удивились бы новые одноклассники. Они уж точно застыли бы на месте и стали спрашивать друг друга: «Что это за няшка? Оно кусается?»

Кто это – Женька знал. Обычный барсук, не очень крупный, с длинной белой полосой на вытянутой морде. А то, что он ещё и говорит, – так это Питер, чего тут не бывает.

Но барсуки зимой должны спать в норе. На остановке, пусть даже пустой и мокрой, им делать нечего. Не то чтобы Женька был спец по барсукам, но понимал: они прячутся в норах, а если нору не выкопать, ищут, куда забиться подальше. На улицу, полную летящих и гремящих машин, к людям идут уж в совсем крайнем случае.

Видимо, случай крайний. А то, что барсук говорит, делает случай уникальным. Такой дрессуры не существует – это Женька знал.

Но что было делать? Для начала убедиться, что не ослышался.

И Женька ответил барсуку:

– Привет. Ты почему здесь?

– Зима тёплая. В клон сонит слегка. Я должен найти дом. Поможешь?

– Найти дом? – спросил Женька. И подумал: впереди знакомство с хозяином говорящего барсука. Или путешествие в волшебный лес, откуда зверь явился. Или ещё какая-нибудь небывальщина.

– Сейчас надо скрыться, – продолжил барсук. – У тебя большой рюкзак, а у меня ланена рапа.

– Ранена лапа, – машинально поправил Женька, заметив, что барсук старается не касаться асфальта правой передней лапкой.

– Я говорю с человеком рервый паз, – извинился барсук. – Скоро научусь.

«Если впервые, кто же его научил... Нет, такое невозможно». Сказки Женька не любил. Однако он и не подумал зажмуриться и закрыть глаза, надеясь, что проснётся. Он не спит и здоров. Рядом барсук, и он говорит. Это надо обдумать, но потом. Сейчас решать: или уйти, или помочь. Третьего варианта нет.

И помочь не только с раненой лапой. Барсук от кого-то скрывается, а это серьёзная проблема. Женька тоже научился скрываться за последний месяц.

– Тебя хозяин ищет? – спросил Женька. И сам осознал неуместность вопроса: если барсука научили говорить, вряд ли он его первый собеседник.

– Нет. Можно к тебе в рюкзак?

– Твоё счастье, порожний рейс, – вздохнул Женька, присаживаясь на корточки. – По грязи топтался?

– Я что, кабан? – обиделся барсук. Но тотчас сунул морду в рюкзак и забыл об обиде. – Ой, вкусно пахнет.

– Можешь вылизать кастрюлю. Тебе что сейчас важнее, жрать или спастись?

– Спастись, – приглушённо ответил барсук, успевший забраться в рюкзак и даже перевернуться так, чтобы морда оказалась наверху. – Они уже взяли след.

К Женькиным проблемам прибавился говорящий барсук. Которого то ли преследуют, то ли он страдает манией преследования. Что тоже плохо.

Насколько транспортабелен барсук с манией? Женька знал, что матёрые барсуки не ложатся в спячку, не нагуляв десять кило дополнительного веса.

Закинул рюкзак на плечи, крикнул, правда понарошку.

– Восемь кило, не больше. Да у тебя не осенний нажор, а диета.

– Похудел в пути, – донеслось из рюкзака. – Надо уходить. Меня преследует сарай.

Женька тихо присвистнул:

– Надеюсь, он не летает.

– Нет. Ты можешь сам войти в такой сарай?

Женьке понадобилась пара секунд, чтобы сообразить.

– А, вот наш сарай. Когда войдём – молчи. Или шепчи. Умеешь?

– Да, – шепнул барсук так тихо, что Женька еле расслышал.

Единственное, что нравилось Женьке в Питере, – трамваи. В них просторней, чем в автобусах или троллейбусах. Если даже не сел, всегда можно встать у окна и смотреть. А ещё трамвай – почти поезд. Вдруг домой увезёт.

Подошедший трамвай к тому же был совсем новеньким. С вытянутым носом и мягкими сиденьями.

Женька вскочил в трамвай, провёл рукой по лицу, смахнул дождевые капли. Полез во внутренний карман, но вспомнил, что забыл дома школьный проездной. Если бы трамвай был длинный, а кондуктор – в другом конце, то можно было надеяться – не подойдёт ради одного нового пассажира. Увы, кондукторша стояла рядом и внимательно глядела на Женьку. Пришлось лезть в другой карман за сторублёвой купюрой. Между прочим, последней.

Кондукторша с интересом посмотрела на Женькин рюкзак.

– Он у тебя там не задохнётся? – спросила она. – Могли бы переноску купить.

– Спасибо за совет, обязательно купим. Нам ехать недалеко, – ответил Женька, знавший, что вежливость помогает отвязаться от заботливых взрослых. Действительно, кондукторша пошла к своему сиденью.

Вообще-то она была права. Женька поставил рюкзак на колени, развязал. Сказал: «Дыши, не высывайся».

– Мне надо смотреть в окно, – шёпотом возразил барсук.

Женька оглянулся. Пассажиров было немного, да и те уткнулись в телефоны. Поэтому, когда барсук высунул свою длинную мордочку, Женька спрятал её, накинув рюкзачный верх. Сначала думал, барсуку просто любопытно. Но через минуту новый друг шепнул:

– Видишь?

– Да, – шёпотом ответил Женька.

Рядом с трамваем полз чёрный микроавтобус. Он не просто блестел – казалось, дождевики и снежинки боятся прикоснуться к его крыше. А самое главное, он не пытался обогнать трамвай.

– Это за тобой? – усомнился Женька.

– За нами, – уточнил барсук. – Хочешь их увидеть?

– Выйти на остановке и рассмотреть? – спросил Женька беспечным тоном, стараясь не замечать лёгкого озноба.

Почему любой бред должен быть кошмарным, а сказка – страшной?

– Увидишь в окно, – донеслось из рюкзака. – Но ты должен сказать, что хочешь увидеть.

– Хочу увидеть, – шепнул Женька дрожащим голосом.

Барсук что-то пробормотал – Женька не понял. И ничего не увидел. По крайней мере нового. Тот же скоростной разноцветный поток и чёрный автомобиль будто на поводке у трамвая.

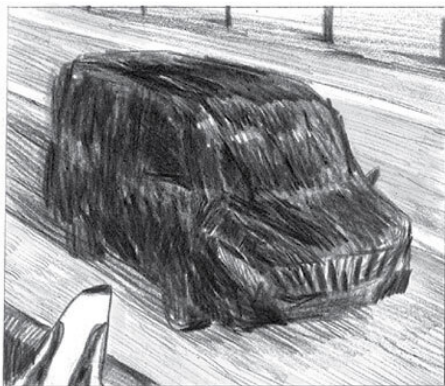
– Не смог, – слышалось из рюкзака. – Ты должен назвать

себя моим другом.

«Ну почему в этом Питере нельзя по-простому, – печально подумал Женька, – всюду какие-то коды, пароли, между собойчики?»

– Я твой друг.

Хотел добавить: могу ещё скрестить пальцы и подпрыгнуть. Но не сказал. Барсук опять произнёс непонятные слова. И вот тут...

Стены микроавтобуса полностью не исчезли. Но стали почти прозрачными. За ними – четыре кресла, в креслах – фигуры в чёрных костюмах, смотрят на большой экран. На нём – улица, по которой медленно движется розовое облако.

Женька сразу понял, что облако и есть их трамвай. Его охватил страх. Не столько острый, сколько ноющий и зануд-

ный. Чтобы сбросить поганое ощущение, пригляделся. Увидел чёрного пса в микроавтобусе. Или не пса? Сплюснутая морда, уши как у гиены. Пёс напоминал волшебную статую, готовую ожить по первой команде.

А ещё Женька разглядел чёрную клетку у выхода. Клетка была пустой. По гладким прутьям пробежали красноватые искорки.

– Она для тебя? – шепнул Женька.

– Да, – шепнул барсук.

«Полное взаимопонимание, и это радует, – подумал Женька. – Вот только больше радоваться нечему. Меня преследуют люди, одетые как директор на школьной линейке. Такие догонят. Барсука, понятно, – в клетку, а что со мной?»

– Они могут напасть? – спросил Женька.

– Могут.

Мысли Женьки заметались, как мальки в банке. Он даже не разобрал, спросил ли что-то ещё. Но барсук сказал:

– Пойдём туда, где много людей и много запахов.

Сказал вовремя. Трамвай тормозил возле торгового комплекса «Балканские высоты». Женька бывал там и называл его «балканские широты» – трёхэтажное здание поражало не столько высотой, сколько протяжённостью.

Встал, надел рюкзак, не завязывая, остановился у двери, взявшись за дрожащие стальные перила. Ощутил себя безбилетником, убегаящим от кондуктора. Надо проехать всего одну остановку, ты – в конце трамвая, а он – у кабины

водителя. И идёт к тебе. Вагон тоже движется медленно, совсем-совсем медленно тормозит. А когда останавливается, дверь почему-то не хочет открываться. Заела? Бежать к другой?

Дверные панели медленно разошлись. Женька резко прыгнул на мостовую, помчался к яркому пятну впереди.

Хотел оглянуться, но не стал. Будто если не смотреть, то и погони нет.

Стеклянные двери открылись сразу, Женька прошёл сквозь волну тёплого воздуха из кондея. Охранник, пожилой, полный, уса́тый, посмотрел с подозрением. Женька направился вперёд длинным коридором-галереей, быстрым шагом мимо декоративных чугунно-деревянных скамеек, пальм в горшках, блестящего автомобиля на подиуме, журчащего фонтанчика. Было не просто тепло – жарко – и очень светло. Не магазин, а июльский парк. Неужели здесь, рядом с манекенами в свитерах и огромными пластмассовыми смешариками, кто-то может гнаться за тобой?

– Они вошли, – донеслось сзади.

Женька оглянулся. Уже далеко, у входа, застыл охранник с расставленными руками. Его можно было понять: на пороге стояли трое мужчин в костюмах. У одного на поводке – чёрный пёс. Женька разглядел, что собака не рвётся с поводка, а прижимает морду к полу, принюхивается.

Первый преследователь то ли что-то показал охраннику, то ли что-то сказал. Тот мгновенно освободил проход, будто был сам автоматической дверью, переведённой в ускоренный режим.

– Бежим!

Барсук мог бы и не командовать – Женька бежал. На бегу думал: какая в этом польза? Если они быстрее, то догонят и на улице, и в здании.

Мелькнули зоомагазин, кафешка-пекарня, магазин посу-

ды, где один столовый набор дороже, чем кухня в Тотьме. Свадебный салон, книжный... Почему не свернуть в любой из них? Не крикнуть продавщице: за мной гонятся, не знаю кто! А я ни в чём не виноват! Только отнёс картошку маме, а потом посадил в рюкзак говорящего барсука!

– Какие мерзкие запахи! Сверни туда!

Женька и без совета собирался «туда» – в большой парфюмерный магазин с отдельным выходом на улицу. Помчался через зал. Пришлось перейти с бега на быстрый шаг: на пути высились наклонные стенды.

– Ромашка, сирень, календула, Melissa, мята, – донеслось из рюкзака. – Гвоздика, рябина, ель, липа, клевер. Мало настоящих запахов, много придуманных. Это сок железных деревьев.

Зал тысячи запахов закончился. Женька пробежал мимо рамок, надеясь, что они не реагируют на барсуков в рюкзаке, с разбега вытолкнул тяжёлую дверь, выскочил на крыльцо.

Боковые окна комплекса светились, желтели и огни на парковке. Всё равно после ярких коридоров и залов уличный свет казался тьмой. В неё и ворвался Женька.

Слетел с крыльца на полусогнутых ногах, метнулся мимо припаркованных машин к параллельной улице. Пробежал между тётенькой с коляской и идущей ей навстречу парочкой. Протопал по мокрому газону, выскочил на дорогу. Вроде пустую.

Нет. Краем глаза разглядел растущие огни фар чёрного

автомобиля.

Надо остановиться. Встать столбом, замереть – и тогда пролетит мимо. Женька только прибавил скорость.

Почему-то стал вспоминать, как делятся секунды. Миллисекунды, микросекунды? Но с каждой микросекундой вокруг становилось светлее. Светлее до слепоты. Будто он не пересекает путь летящего прожектора, а бежит ему навстречу.

«Разве они могут меня раздавить? Ведь тогда барсук погибнет тоже», – успел подумать Женька. И вдруг яркий свет остался за спиной. Раздался гудок, самый длинный и злобный, какой только Женька слышал в своей жизни.

Женька выскочил на бордюр. Разглядел улетающий чёрный внедорожник, способный сбить лося и помчаться дальше. Но не микроавтобус.

– Мы от них ушли? – не то спросил, не то предположил он вслух.

– Да, – донеслось из рюкзака. – Чёрный пёс потерял след среди тысячи запахов.

Женька вспомнил картинку на экране внутри автомобиля.

– Они могут нас найти по розовому облаку?

– Нет. Их большой искомик остался в сарае, а сарай далеко. Я его не чувствую. Но лучше уйти.

«Хоть буквы путать перестал», – подумал Женька. Перебежал газон, протиснулся мимо припаркованных машин, в очередной раз вступив по щиколотки в глубокую лужу, и по

пешеходной тропинке двинулся к девятиэтажной громаде. Едва перешёл на шаг, понял, как устал. Спринт, выданный им за последние три минуты, заслуживал твёрдой пятёрки. А спринт с таким рюкзаком за плечами оценили бы и в школе юных спецназовцев. Или даже взрослых. Хорошо, хоть снегождь прекратился.

Хотелось не то что постоять или посидеть. Хотелось свалиться на этот мокрый газон и пролежать минут пять. Лекарство от такого желания было одно – бег трусцой.

Улица, на которую он вышел через микрорайон старых девятиэтажек, была не магистральной, но автобусы по ней ходили. Вот и остановка.

Женька сунул руку в карман, выгреб горсть мелочи. Из всех маминых советов он постоянно следовал лишь одному – не носить с собой много денег. Сегодня переборщил. Остались три металлических десятки – на билет не хватит.

Печально вздохнул.

– Что случилось?

Женька поделился проблемой.

– Я знаю, что такое деньги, – похвастался барсук. – Давай их найдём. Покажи мне.

«Чего показывать, если знаешь?» – подумал Женька. Но занёс за спину ладонь с монеткой.

– Значит, они не только бумажные. Иди вперёд, шагни влево. Смотри.

– Так это пивная пробка, – разочарованно заметил Жень-

ка.

– Ещё иди вперёд. Вот, возле столба.

Пришлось опять садиться на корточки с тяжёлым рюкзаком. Зато на этот раз на асфальте лежала пятирублёвая монетка, рядом – рубль.

– Теперь иди к кустам. Вот, поднимай.

Пришлось отрыть грязную рекламную листовку, лежавшую чуть ли не с весны. Под ней скрывалось немного мелочи.

– А теперь – слева, – донеслось из рюкзака.

Усталость слетела с Женьки. Он минут пять бегал по улице, поднимая монетки, выковыривая их из грязи. Нашёл даже бумажку в сто рублей.

Пока отчищал её, слегка приглушил азарт грибника, подумал: может, этот барсук ещё и старинные клады умеет искать. Круто! Вот только неподалёку рыщет чёрный автомобиль с людьми в костюмах, приборами, псом и чёрной клеткой.

Женя взглянул на дорогу. Вместо чёрного автомобиля по ней ехал автобус. Подъехал к остановке, открыл дверь, будто просигналив Женьке – хочешь дальше мёрзнуть-мокнуть?

Женька не хотел и устремился к автобусу.

Глава 3. Огонь на плинтусе

– Ты унюхал деньги? – осторожно спросил Женька на заднем сиденье.

– Нет, – ответил барсук. – Я их вижу.

– В темноте? – удивился Женька. Вспомнил, что есть приборы, которые позволяют видеть в темноте и без помощи говорящих барсуков. – Ты можешь отличить монету от пробки?

– Я умею только видеть вещь. Понять её суть пока не могу.

Женька хотел поскорее перейти к кладам. Но задал вопрос, который родился ещё в трамвае. В сказки про говорящих барсуков он не верил, а вот в секретные базы или лаборатории, где тренируют боевых дельфинов или птиц-шпионов, – почему бы и нет?

– Как же ты научишься, если от них сбежал?

– От кого? – удивился барсук.

– Из тайной лаборатории. Тебя научили искать шпионские шифровки, видеть сквозь стены. И говорить. А ты свалил от этих, в чёрных костюмах.

– Нет! – ответил барсук. Громко и даже сердито. – Чёрный Зверинец не может научить ничему. Он может только посадить в клетку.

Женька вздрогнул. Но не от испуга, что барсука услышат. От слов «чёрный зверинец» по телу пробежала леденящая

волна. Будто холод от промокших ног поднялся до плеч.

– Ты не сбежал из этого зверинца, а убегаешь от него? – уточнил Женька.

– Да, – ответил барсук.

– Тогда как ты всему этому научился? И откуда у тебя проблема с этим самым...

Женька вдруг почувствовал, как неохота ещё раз повторять слово «зверинец». Будто в густом малиннике хочешь сорвать ягоду с дальней ветки и заранее знаешь, что расцарапаешь руку.

К счастью, барсук понял.

– Я тебе расскажу.

– Только дома. Мы подъехали.

По дороге Женька думал о сокровищах. Питер – старый город, здесь должны быть клады. Интересно, барсук видит монеты только на асфальте или может обнаружить закопанный сундук? Надо сходить в Эрмитаж, сфоткать старинную монету. Или найти в инете, показать барсуку. Там же можно отыскать адреса всех древних домов. Клад придётся сдать государству, но оно вернёт четверть или даже половину – Женька точно не помнил. На непромокаемые ботинки хватит. Ещё останется на айфон, и электросамокат, и ещё на много чего...

Залез на воображаемый самокат и вздрогнул: чуть не упёрся в чёрный микроавтобус на углу дома. Лишь через се-

кунду понял – тот синий и стоит тут каждый вечер. Всё равно самокат укатился, айфон исчез. Крепкие и непромокаемые ботинки остались на полке в магазине.

Едва вошёл и снял рюкзак, сразу же сделал то, что мама одобрила бы. Разулся, стащил промокшие носки, в ванной сунул ступни под горячую струю. Потом надел шерстяные, самые толстые и колючие, какие только были. Чтобы не только ступням, но и простуде стало неудобно, и она поспешила покинуть организм.

Барсук выбрался из рюкзака и, чуть-чуть косолапя, обследовал квартиру. Кстати, надо посмотреть, что у него за травма. Барсук сел по-собачьи, протянул правую лапку. Ранка оказалась неглубокой – видно, порезался.

– Не фыркай, – проворчал Женька, – я ещё не решил, чем буду тебя лечить, йодом или перекисью. Ладно, перекиси хватит.

Брызнул перекисью, наложил пластырь.

– Насчёт сортира – договорись с кошками. У них два лотка, места хватит всем. Если захотят устроить туалет где-нибудь ещё, можешь слегка потрепать.

– А мы уже познакомились, – ответил барсук. – Я им объяснил, что на шкаф могут не лезть: барсуки кошек не едят. Но и меня обижать не надо: я крупнее, сильнее и умнее. Они попросили не трогать их еду и обещали жить в мире.

«Ничего себе, с другими животными говорит», – подумал

Женька.

– Насчёт еды. Я собираюсь поужинать. Присоединишься?

– Да. Но сначала разожгу охранный огонь, – ответил барсук.

«Вот это заявочка – костёр на полу», – подумал Женька. Но не столько возмутился, сколько удивился. Лесные звери боятся огня... Впрочем, много ли он видел зверей, которые говорят и видят сквозь стены?

А гость спросил ещё раз:

– Ты не собираешься меня выгнать?

– Если не спалишь квартиру – не выгоню.

То ли барсук не оценил шутку, то ли тема разговора была серьёзной.

– Значит, это место стало моим Домиком. Повтори: «Я тебя пригласил жить к себе в дом, поставь огненную границу».

– В школе и то проще, – вздохнул Женька. Но спорить не стал, ведь интересно же. Повторил за барсуком, добавил: – Пока нас не выгнала Екатерина Сергеевна.

Барсук подошёл к входной двери, приблизил мордочку к порогу. Женька прислушался. На этот раз он более-менее ясно разобрал – барсук не скулит и не хрюкает, он говорит слова. Вот только незнакомые и непонятные.

От порога зверь пошёл вдоль стен. Заглянул и в ванную, и на кухню. Замирал, пройдя три метра, поворачивал морду к стене, произносил фразу из нескольких слов. Заключительное звучало короче и резче, словно обрывался лист плотной

бумаги. Но самого огня было не видно.

Женька шёл следом, прислушивался. Пытался задержать в голове услышанные звуки, будто перед ним, по ночной дороге, пронёсся автомобиль и нужно запомнить номер. И продолжал думать: при чём здесь огонь?

– *Гис-су!*

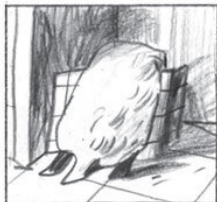
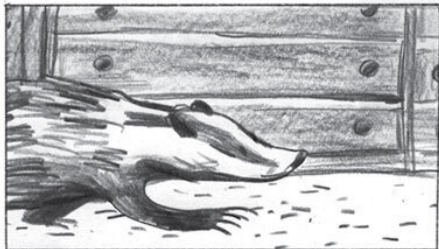
Неужели это странное слово сказал барсук?

Внезапно облезлый плинтус и стена пропали. За ними была ночь: тёмная, сухая, жаркая и опасная. В темноте мелькнула рука, выложила дорожку из хвороста, поднесла горящую головню, ветви вспыхнули. Теперь вместо стены была огненная граница, горевшая ярким спокойным пламенем, которое не погаснет, пока ему не прикажут погаснуть.

Женька уставился на огонь. И опять увидел шляпку гвоздя, выскочившую из плинтуса. Надо бы прибить.

Барсук не отвлекался. Он обошёл всю квартиру по периметру, вернулся к двери. Женька не шутил, наоборот, пытался помочь – отодвинуть тумбочку, например. Но барсук мотал головой – ни тумбочка, ни шкаф не мешали.

Наконец работа была закончена.

– Ты поставил сигнализацию, чтобы до нас не добрались вот эти... – Женька вспомнил недавний страх перед словами «чёрный зверинец».

– Да. Пока мы в доме, Чёрный Зверинец нас не увидит, – ответил барсук.

На этот раз никакого ужаса Женька не почувствовал. Будто от опасного и злого хищника осталась шкура, висящая на стене. Но она ещё отбрасывала тень, и эта тень была силуэтом прежней опасности.

Всё равно обрадовался, прижал ладони к макушке – я в домике. А потом спросил:

– Значит, ты умеешь видеть сквозь стены, искать клады, ставить волшебную защиту. А ещё что? Кипятить воду взглядом? Предсказывать будущее? Летать?

– Этому меня пока не научили, – ответил барсук.

– А кто должен научить? – спросил Женька.

Пожалуй, надо было бы ударить себя по голове – проснись! Или перекреститься. Или сделать ещё что-нибудь, чтобы выйти из этого затянувшегося сна. Но неожиданная встреча, погоня и огонь в квартире не были сном.

– Ты же собирался поужинать, – напомнил барсук. – И котов надо кормить.

Не поспоришь. Женька достал из буфета очередной пакет корма, оставленного Екатериной Сергеевной, насыпал по пригоршне в каждую миску – коты материализовались, бод-

ро захрустели.

Поставил на плиту кастрюлю с водой, спросил гостя:

– Варить картошку или сырая пойдёт?

– Можно сырую.

Женька закинул в кастрюлю пельмени. Помыл несколько картофелин, хотел дать барсуку. Но устыдился – говорящего барсука, способного наколдовать невидимый огонь, кормить нечищенной картошкой. Взял чистилку.

Барсук ел неторопливо, брал лапками картошину и хрум-кал.

– Как зовут-то? – спросил Женька. – А то столько при-ключений и ещё не познакомились.

– А ты мне друг?

– Ну не враг же! – возмущённо сказал Женька. – Таскал два километра на спине, спас от погони, принёс домой. А он спрашивает!

– Ты должен повторить: «Я твой друг», – настойчиво за-явил барсук.

– Слушай! – воскликнул Женька. – Я догадался, кто ты. Ты – заколдованная занудная училка. «Слушай, запомни, по-твори». Ладно, я твой друг.

– Тогда ты должен придумать мне имя.

– «Должен, должен», – вздохнул Женька. – Ладно, тебя зовут Занудная Училка. Или ты мальчик?

– Мальчик, – ответил барсук. – Имя должно быть корот-ким, как один звук.

– Хорошо. – Женька принялся размышлять вслух: – Может, Зауч – Занудная Училка? Не, два слога. Барс? Не, когти не той длины. Давай сокращу барсука – Рук. Рук, кто тебя научил говорить?

– А как звать тебя?

– Евгений. Или Женя. Рук, сокращай как хочешь и рассказывай скорей, откуда ты.

– Евгений, – повторил Рук. – Буду называть тебя Ген.

Женька не спорил, барсук продолжал:

– Меня поймали охотники этой весной. Братья успели убежать, но не все. Мать тоже спаслась. Мне повезло, я не был ранен и сразу попал к хорошему человеку.

Женька знал, что барсук – промысловое животное. Барсучий жир продают в каждой аптеке, ну, и шкурку можно повесить на стену. Но от этого спокойного рассказа стало не по себе. Может, барсуку лучше было остаться в лесу?

– Если ты обиделся на людей, то правильно, – сказал Женька.

– Почему? – спросил Рук.

– Ну... Только человек охотится и убивает, если не голоден, – вспомнил Женька мудрость, прочитанную в какой-то книге.

– Правда, – согласился барсук. – Это мне говорил Блюз.

Но Блюз ещё сказал, что только человек способен поймать и не убить. И только человек может вылечить того, кого он ранил, или ранил, но не он.

– Блюз научил тебя говорить?

– Да. А перед этим вытащил из норы. Он мне прорычал. «Я тебя не убью». Я спросил: «Правда?» И он удивился.

– А что, все звери могут говорить друг с другом? – спросил Женька. – Ведь Блюз, наверное, такса. Или другая собака для норной охоты. Он понимает твой язык?

– Блюз – английский терьер, – уточнил Рук. – Звери очень редко понимают других зверей. Он услышал меня и понял...

– Блюз тоже говорит с людьми?

– Да. Он мне много рассказывал о людях, об их привычках. Уже в лесной охотничьей усадьбе. А однажды спросил: «Хочешь жить очень долго и чтобы о тебе заботился человек? Но и ты будешь помогать ему». Я не понял, что значит «очень долго». Он объяснил: ты прожил лето и зиму. Хочешь прожить столько лет и зим, сколько мошек роится возле вольтера? Я согласился, и тогда он передал мне Дар.

– Если жарко, то мошек должно роиться на сто лет жизни. Или больше, – задумался вслух Женька. Отвлёкся на шипение с плиты. – Погоди минутку, пельмени готовы.

Слил, положил в тарелку и, чтобы не возвышаться над собеседником, сел на пол спиной к стене, тарелку – на колени. Положил пару пельменей на блюдец, подождал, пока остынут, протянул Руку.

– Интересно, – сказал барсук, разжевав вторую пельмешку. – Много хлеба, в середине мясо какой-то птицы, но я не знаю, что с этой птицей делали. Немного кожи свиньи и неизвестное растение.

– Жаль, ты не можешь сказать, что за птица, что за растение и в какой пропорции, – вздохнул Женька. – Хотя в суд подавай за обман потребителей.

– Не смогу, – подтвердил Рук. – Если бы я имел Дар Ларца, я мог бы увидеть суть вещи. Но мне дана только Горсть.

Женька вспомнил ларцы из краеведческого музея – старинные коробки из бересты и дерева. Не очень большие, но всё равно поместится больше, чем в ладони.

Есть очень хотелось, пусть и пельмени со свиной кожей. Правда, пришлось помазать их старой горчицей Екатерины Сергеевны. Поел, стал расспрашивать дальше.

– Ты сказал «хочу» и стал волшебником? – спросил Женька.

– Нет. Сначала Блюз мне рассказал, как я буду жить, получив Дар волшебства. Разговаривать с людьми, помогать им. Искать Друга, который обо мне позаботится. Но за мной будут охотиться враги, чтобы заставить колдовать для них.

– И ты согласился? – спросил Женька.

– Конечно. Всё равно обычные люди стали бы охотиться за мной, если бы меня выпустили в лес. Жить долго и быть чьим-то другом – интересней. Когда Блюз передал мне волшебный Дар, я сразу стал понимать то, чего не понимал рань-

ше. Например, что значит «жить долго-долго». Это несколько столетий.

Женька присвистнул:

– Значит, волшебные звери могут учить друг друга? Этот самый Блюз научил волшебству тебя, потом научит лису, потом крысу. Скоро в мире простых животных не останется, только такие, как ты...

– Я тоже про это спросил, – сказал Рук. – Он ответил, что Дар передают очень редко. Блюз прожил почти триста лет, но делился им впервые. При передаче Блюз мог его потерять, а я – не получить. Наверное, у Блюза была очень важная причина так поступить. Но я не понял какая.

– И ты сразу смог говорить с людьми? – спросил Женька.

– Блюз мне объяснил, что я должен говорить лишь с человеком, который станет моим Другом. Если волшебный зверь говорит со всеми подряд, он скоро окажется в Зверинце.

И опять тень тревоги.

– Что такое «зверинец»? Какая-то мафия? Или спецслужба?

– Я очень мало знаю, – виновато ответил Рук. – Блюз говорил, что Зверинец ловит волшебных зверей, чтобы заставить совершать запрещённые чудеса, например убивать людей. Я испугался и больше не спрашивал.

Женька кинул тарелку в раковину – когда-нибудь помою. Плеснул кипятка в кружку с пакетиком чая, поставил на пол чашку с водой для Рука. Спросил:

– А ты, когда научился разговаривать, не захотел есть человеческую еду – жареную картошку, пить чай?

– Барсуки всеядные, – ответил Рук. – Блюз сказал, что, если зимой будет клонить в спячку, нужно пить отвар молодых зёрен, который называется фекко.

– Кофе?

Рук подтвердил.

– Хорошо, будешь спать – растолкаю и напою кофе. Как ты оказался в Питере?

– Блюз сказал, что его Друг попробует найти Друга для меня, но если раньше этого случится то, чего он боится, то я должен буду сам искать. Блюз и его Друг живут в лесной избушке и часто ездят в место, которое называется Москва. Блюз говорил, что раньше они жили там постоянно, но московский Дом разорён Зверинцем.

Женька испуганно присвистнул:

– Дела... Значит, этот Зверинец захватил московскую квартиру Блюза и его хозяина?

– Не хозяина, а Друга, – поправил Рук. – Нет, Дом – это не жилище. Представь холм, в котором барсуки прорыли норы. Каждый живёт в своей, но знает нору соседа и может с ним посоветоваться или помочь ему.

– Зато, когда придут охотники, они поймают всех, – сказал Женька.

Рук спорить не стал:

– Блюз говорил, это наша главная беда. Другу не хочется

быть одному, он старается найти другого Друга с его зверем. Особенно если этот зверь владеет более сильной магией. Всё, что умею я, – умеют и остальные наши. Но другие могут гораздо больше. Например, поднимать в воздух предметы, помогать Другу летать. Распознать болезнь, которую не могут увидеть люди, вылечить её. Делать добрые дела, о которых их попросили. И даже жить в ушедшем дне, хотя я сам не понимаю, как это возможно.

«Наверно, попасть в прошлое, – подумал Женька. – Интересно, но не сейчас. А вот “распознать и вылечить”... Это же шанс для мамы!»

– Друзья стараются создать Дом, – продолжил Рук. – Но если Дом становится большим и заметным, на него нападают слуги Зверинца. Иногда удаётся их победить, а иногда Зверинец берёт верх.

– Это рассказал тебе Блюз или ты говорил с его хо... с его Другом? – спросил Женька.

– Нет, я разговаривал только с Блюзом, – ответил Рук. – Когда я видел его в последний раз, он говорил со своим Другом. Я понимал не все слова, но чувствовал, как они встревожены: Блюз предвидел близкую опасность. Они понимали, что я не смогу им помочь, поэтому Блюз советовал оставить меня здесь, у соседа в вольере. Если же произойдёт то, чего они боятся, я должен идти в Питер, в ту сторону, где заходит солнце, и найти Дом. Однажды, когда Блюз был в Москве, его Друг попросил соседа выпустить меня. Я сразу почув-

ствовал путь и пошёл.

«Ничего себе биокомпас, – подумал Женька, – вывел на северо-запад».

– Как же ты добрался до Питера? Шоссе, железные дороги...

– Блюз объяснил, как переходить дороги. Но всё равно я очень боялся. И чем ближе к городу – тем больше... Несколько раз я рыл нору под забором, если не мог его обойти.

Женька взглянул на Рука с уважением.

– Хорошо, что не провалился в метро. А как ты должен найти Дом?

– Послать сигнал-отклик. Это единственное волшебство, которое творится без просьбы Друга. Посылать отклик опасно – Зверинец может его услышать. Так и случилось, Зверинец вышел на мой след.

– И ты почувствовал это? – спросил Женька.

– Нет. Кто-то из жителей питерского Дома услышал меня и начал разговор. Но потом почувствовал, что нас нащупал Зверинец, и велел мне молчать. Я запомнил его совет: «Доберись до Приморского и крикни там. А сейчас замолчи. Они взяли твой след, спасайся!» Я побежал, потом встретил тебя. Блюз советовал просить помощи у детей, а не взрослых. Я увидел тебя и попросил.

«Насчёт детей – правильно, – подумал Женька. – Взрослый бы просто не поверил».

Подлил себе кипятка, а Руку – воды, открыл пакет с пече-

ньем, угостил Рука. Тот сказал, что это хорошая еда с плохим запахом, но не отказался.

– И что ты будешь делать дальше?

– Теперь решаешь ты. Ведь ты назвал себя моим Другом. Нам надо найти остальных Друзей и жить дальше. Блюз сказал, что есть два дня, когда Зверинец не слышит наши сигналы, – зимой и весной.

Женька несколько секунд удивлённо смотрел на барсука. «Я попал или мне повезло? Вообще-то я здесь ненадолго, и квартира чужая, и захочет ли Рук поехать в Тотьму, и позволит ли мама его взять? Проще всего выкопать клад. Попросить Рука вылечить маму, если медицина не сможет. А потом найти барсуку Друга, и пусть ищет клады для него».

Кстати, мама говорила: «Ты должен завести друзей в Питере». И Рук туда же.

Женька расхохотался. Смутился и спросил:

– А какие чудеса ты ещё умеешь делать?

– Я запомнил лишь несколько, – смутился Рук. – Блюз говорил, что у меня должно быть развито волшебство Ходов.

– Ну, выкопать здесь нору нам никто не позволит, – сказал Женька. – Ладно, разберёмся. Я спать пойду. Постарайся проснуться завтра, а не в апреле.

Рук пообещал.

Женька нашёл в шкафу старый плед, постелил на пол, отправился чистить зубы.

Перед тем как уснуть, встал у окна, посмотрел на далёкий

поток машин. Прежде мечтал: одна из них однажды подъедет и заберёт домой, вместе с мамой. Конечно, когда её вылечат. Автомобиль – большой внедорожник – помчится через Тихвин, Череповец, Вологду и утром будет в Тотьме.

Теперь такие чудеса стали неинтересны. Чудо было рядом, и к нему следовало привыкнуть. Разобраться, чем отличается Ларец от Горсти. Найти других Друзей. До этого – искать клады.

А сейчас – просто спать.

Глава 4. Призовая пицца

Пашка так и не понял, он ли выбрал бычка или бычок – его.

Скорее бычок. Пашка мимоходом заскочил в антикварную лавку: понравится сувенир с первого взгляда – куплю. Витрины и полки сверкали позолотой, медью, хрусталём, серебром. Бычок не сверкал, не манил весёлой майоликовой раскраской – комок глины, превращённый в фигурку, которая спряталась между ярких безделушек и ценных старинных вещей.

Пашка, скорее всего, не заметил бы. Но бычок, казалось, подмигнул ему. Поэтому Пашка протянул руку, отодвинув серебряную чашу, осторожно взял поперёк живота глиняную фигурку и увидел, что бычок – трёхрогий. Третий, средний, рог был короче обычной пары. Но всё же рог, а не ошибка гончара.

«Что за сказка про трёхрогого бычка?» – усмехнулся Пашка. И решил – бычок будет жить у него на полке.

Вообще-то он зашёл в лавку за подарком для Алины. У неё день рождения через три недели, будет подарок из Милана. Например, старинный зонт с тонкой, выточенной из кости ручкой.

Значит, купим зонтик и бычка.

– Quanto costa?¹ – спросил Пашка.

Парень за прилавком смутился – ценника на бычке не было. Покачал головой, перелистал тетрадь, ткнул пальцем, будто не веря глазам, и назвал цену.

Пашка протянул купюры. И взглянул в глаза продавцу. Увидел радость – «Наконец-то продал, да ещё с хорошей прибылью». И одновременно грусть – будто тому было жалко расставаться с товаром.

Пашка понимал почему. К бычку хотелось прикоснуться. Или хотя бы просто смотреть на него.

– Dammi², – неожиданно сказал продавец.

На одну секунду Пашка решил, будто тот хочет отобрать статуэтку, поставить на полку, вернуть деньги. Но продавец показывал на пакетик – забыл упаковать. Пашка отдал, пальцы, расставшись с бычком, чуть дрогнули. Фигурка исчезла в бумажном пакете, и Пашке показалось – бычок шевельнулся внутри.

Продавец улыбался, словно и не огорчался минуту назад. Тем более Пашка ещё купил огромный зонт. Тут же отодрал ценник – подарок же, – скомкал, выкинул, подумал, что сумма наверняка отпугнула многих покупателей.

До недавнего времени Пашка учился в Швейцарии, но его постоянно тянуло в Италию. Когда русские друзья спраши-

---

¹ Сколько стоит? (*ит.*)

² Дай мне (*ит.*).

вали почему, он отвечал, что там тепло, хорошие люди и все радости сразу. И горные лыжи, и море, и древние города. Можно сесть в дождливом Милане в поезд «фречеросса», задремать, как в самолёте, проснуться в жарком Неаполе – сразу на пляж. Пройти горными тропами по берегу Лигурийского моря, мимо деревень, где почти не говорят по-английски, и пообедать в первоклассном ресторане, в пяти шагах от маленького пляжа. Лететь в машине по автострате – жаль, самому водить нельзя, – а потом пару дней отдыхать от машин в Венеции, где ездят только колёсики туристских чемоदानов.

Больше всего Пашка любил Мальчезине – городок на берегу озера Гарда. Само озеро – неровный овал – начиналось на равнине и врезалось в Альпы. Пашка поднимался в горы на фуникулёре, на два километра, и летал на парашюте. Увы, приходилось с инструктором, на двойном, а так хотелось – одному.

И всё равно не было счастливее этих минут. Небо над горным озером не знает штиля. По бокам – снежные шапки, внизу – голубая чаша, похожая на широкую остановившуюся реку. Бодрящий озноб, слегка трещит в ушах. Внизу кораблик – все на верхней палубе запрокинули головы, смотрят на тебя. Кораблик идёт своим туристским маршрутом, а для тебя оба берега близки.

И вдруг...

Пашка так и не понял, в чём он виноват. Что и когда натворил. Почему отец внезапно сообщил: «Возвращаешься в Россию».

Пашка не спорил. Только попросил папу позволить денёк полетать в Мальчезине. Попрощавшись с городком, Пашка заехал в Милан и за три часа до отлёта купил серого трёхрогого бычка в антикварной лавке.

Спросил сразу по прилёте:

– Пап, в чём дело? Что я сделал-то?

– Ты возвращаешься в Петербург, – повторил папа.

Пашка хотел заметить, что возвращаются туда, где жили раньше, а он даже не помнил, жил в Питере или нет. В совсем-совсем раннем детстве, когда веришь родителям, что в парке водятся волки, они переехали в Москву, точнее, в Подмосковьё. Потом мама куда-то пропала. Папа объяснил так:

– Я предложил маме или взять много денег и оставить тебя мне, или взять тебя и меньше денег. Мама оставила тебя и ушла.

Иногда Пашка встречался с мамой. Было неприятно: мама пыталась познакомить с Семёном, «чтобы ты всё понял». Она так хвалила Семёна, что Пашка подумал: это космонавт или путешественник-натуралист. Оказалось, Семён всего лишь зарабатывает деньги, причём намного меньше, чем папа.

В Подмосковьё Пашка учился дома. Потом папин офис переселился в Петербург, но к тому времени Пашка уже был

в Швейцарии. Приезжал к отцу на неделю, плавал по Неве на яхте. Если ходил по городу пешком – то только от автомобиля до подъезда Эрмитажа или двери ресторана. Машина папы может подъехать к любой двери – это Пашка понял давно.

Можно ли вернуться в город, который ты не знал и не любил? Наверное, нет.

Папа и Пашка жили в особняке, в районе со смешным названием Коломяги. Судя по карте, не центр, но и не самая дальняя окраина. У Пашки были две комнаты – спальня и кабинет с тренажёвкой. Ещё один тренажёрный зал размером со средний фитнес-клуб плюс спа с бассейном – в подвале.

Пашку не обрадовали бы и пять комнат с подземным аквапарком. Он скучал из-за осенней питерской промозглости, а главное – без друзей. В Питере он дружил только с Алиной – пару раз встречались в Италии. Для неё и привёз из Милана зонт таких размеров, что под ним смогли бы укрыться си-ньора с кавалером. Вот только встретиться не успели – Алина уехала с родителями в Испанию.

С прочими питерскими знакомыми пересекаться не хотелось. Пашке почему-то казалось, что они привыкли к нему в лётном костюме, с парашютом, в горах, и будут стесняться. Да и как встретишься, если по пятам ходит телохранитель? Это не напрягает, только если друг в курсе, кто ты. А так – не поймёт.

Друзья не завелись и в гимназии. В первый же день новичок сел на свободное место, к симпатичной девчонке, не обратив внимания на заинтересованные взгляды одноклассников, явно чего-то ждавших. Для знакомства показал соседке фотку в телефоне, на которой парил над озером Гарда. Естественно, начались вопросы-шепотки, рассказ о полётах продолжился на перемене.

Тут к разговору присоединился парнишка с наглым взглядом и причёской, короче которой только лысина. Он перебил Пашку, сказал Тане, что проспал первый урок, но это ничего. Лишь тогда заметил новенького:

– Давай чтобы я тебя рядом с ней больше не видел.

Пашка предложил ему закрыть глаза, а Таня сказала, что Павел летает на парашуте. Ник – так звали наглого парнишку – ответил, что вылететь можно и в окно. Пашка предложил обсудить эту тему после школы.

Не получилось. Кто-то из педагогов увидел Ника, беседующего с новичком в опасном тоне, а так как гимназия была хорошей, учителя не только наблюдали. На следующей перемене Ника пригласили к директору. Позже он подошёл к Пашке:

– Так ты сын олигарха государственной важности?

Пашка кивнул. Добавил, что это не мешает разговору.

– Не прикидывайся, – зло ответил Ник. – Ты меня сделаешь – ты герой. Я тебя сделаю – поймают костоломы из тво-

ей охраны. Не хочу. Летай, гуляй с Танькой, только помни, она дура.

Ник – то ли ради мелкой мести, то ли и вправду заботился, – поговорил со всеми одноклассниками. С Пашкой общались, расспрашивали о парaplанах, яхтах и прочих подробностях жизни олигарха. Но вели себя так, будто новенький в костюме, увешанном ампулами с газом немедленного смертельного действия. Лишь бы не задеть.

Кстати, насчёт Таньки Ник оказался прав. Она больше всего интересовалась рассказами о миланских бутиках. Как будто Пашка должен был предвидеть встречу с ней и привезти ей подарок, да ещё с автографом Габбаны. К тому же Таня выложила у себя на стене Пашкину фотографию с припиской: «Мой сосед по парте – сын реального олигарха и летает на личном самолёте».

После этого Пашка пересел. Ник подождал неделю и вернулся на прежнее место. Даже простил Таньку.

Учиться оказалось не то чтобы трудно, но непривычно. Пашка так и не мог понять, учителя боятся его спрашивать или, наоборот, придираются. Похоже, одни боялись, другие придирались. Сам нашёл в инете репетиторов, договорился, пригласил домой. Подтянул алгебру и русскую орфографию, уже через полтора месяца претензий не было.

По другим предметам – химии, биологии и, конечно, языкам – Пашка сразу ощутил себя на голову выше одноклассников. Англичанка задала сцену из «Гамлета», на выбор. Половина класса, не сговариваясь, взяла «To be, or not to be...»³. Пашка договорился с Викой – умной, но немного закомплексованной девицей – разыграть диалог Гамлета с Офелией. Причём Вика подсматривала в книжку, а Пашка чесал по памяти. Вошёл в такой сценический азарт, что кто-то из одноклассников записал его на айфон, англичанка после урока попросила скинуть ей видео.

А потом, неожиданно для Пашки, его признали одним из самых разносторонних учеников гимназии и включили в команду по школьному троеборью. Причём межрайонному.

---

³ «Быть или не быть» (англ.).

Соревнования проводились в трёх категориях: «Знания», «Спорт», «Артистизм».

Троеборье проходило в старой, послевоенной школе. Портреты писателей и мыслителей над входом, большой актовый зал и не очень большой спортивный. «Прикольно, только не помешало бы дополнительное освещение», – подумал Пашка.

Начали с артистизма. Пашка станцевал микс из ирландских степов и удивился, когда занял второе место. Вторым оказался и после начального этапа проверки знаний. А вот по бегу и отжиманиям – на третьем. Сам удивился, когда вышел в полуфинал.

Его соперницей стала рыжая Алёнка. Пашка пригляделся к Алёнке ещё в начале состязаний. Невысокая веснушчатая

девчонка пришла в потёртых джинсах и свитере, поначалу казалась незаметной, но прочла «Реквием» Ахматовой так, что Пашке захотелось найти текст в инете. Потом сменила джинсы на треники и обогнала Пашку в забеге.

Столь же уверенно держалась Алёнка на этапе «Знания». Не растерялась, когда объявили тему «Авиация». Быстрее всех назвала и первые шёлковые фабрики в Европе (из шёлка делают парашюты), и первого европейского политика, сбежавшего из осаждённого города на воздушном шаре.

Перед финалом объявили перерыв. Поздравить победителя и вручить приз – ноут – должен был глава районного образования, а он задерживался.

Пашка приехал на состязание с некоторой ленцой и несколько раз повторял: «Главное – участие». Ближе к финалу от такого настроения не осталось и следа – он давно не участвовал ни в каких соревнованиях и забыл, как это азартно. Он будет первым!

Только Алёнку не хотелось побеждать. Жаль, что первое место для одного.

Школьный буфет на выходных не работал. Пашка подумал, что было бы неплохо перекусить и заодно познакомиться с Алёнкой. Угостить её одну было бы столь же неприлично, как подкупить. Поэтому Пашка заказал пиццу и доплатил за срочность.

Чиновник всё не приезжал, зато пиццерия не подвела. Через полчаса вошёл удивлённый завуч, руководитель троебоья:

– Звонит охрана. Кто-то заказал пиццу. Заберите, пожа-

луйста, и съешьте поскорее.

Пашке это не понравилось: он считал, что если еду заказали, то никто не должен мешать доставке. Охранник внизу отказывался пропускать курьера, пока не придёт директор и не внесёт того в список. Пашка махнул рукой, расплатился и сам потащил все двадцать коробок.

Когда он, отдуваясь и почти не видя ступеней, поднялся на третий этаж, недовольные шепотки – нашёлся эгоист, будет давиться, а мы – завидовать – перешли в удивлённые. Пашка добрёл до подоконника, поставил коробки, убедился, что они не свалятся, и громко сказал: угощайтесь.

Участники троеборья сначала мялись. Но есть хотели все. Поэтому уже скоро коробки разошлись по рукам. Стопка таяла, Пашка заметил, что Алёнка продолжает что-то набирать в телефоне. Он подошёл с пиццей и сказал:

– Пойдём подкрепимся перед финалом.

Алёнка кивнула. Они отошли в сторонку. До Пашки по-прежнему доносился шёпот, обсуждали не столько вкус пиццы, сколько кто её оплатил. Сходились на том, что финалист Павел Костенко, точнее, его отец. Кто-то сказал уже совсем тихо, но разборчиво: «Это заявка на победу».

Пашка покраснел. Поскорее открыл коробку.

– О, «кватро формаджи» – «четыре сыра». Сейчас проверим, настоящий ли пармезан, – проворчал он тоном сноба-знатока. Оторвал часть, откусил. – Мым-м-м, ну, почти. Рекомендую.

Алёнка поблагодарила. Взяла кусочек.

– А ты спец по сырам? – спросила она.

Пашка хотел сказать, что способен даже в пище отличить пармезан от грана падано. Но рядом вдруг громко залаяла собака, и у него чуть кусок из рук не выпал. Оказалось, сигнал Алёнкиного телефона. Она взяла трубку. Пашка деликатно отстранился, но далеко отойти не смог – учителя и участники разбились на небольшие компании, и он в любом случае услышал бы чужой разговор, чего ему категорически не хотелось.

– Маш, привет. Нет, он больше на связь не выходил. Его засекли, это точно, а взяли след или нет – не знаю.

Алёнка говорила тихо, но отчётливо. Ребята и учителя слышали вряд ли, а вот Пашка разобрал всё. Какое-то время говорила незнакомая Маша. Потом Алёнка ответила:

– И что мы можем сделать? Ты же сама говоришь: схватила направление – юг. Может, он в Купчине. Может, в Пулково. Может, в Красном Селе. Сейчас искать уже нет смысла – он или оторвался, или... Кстати, вспомни случай с Аквой. Может, он – приманка. Без третьего, на прикрытии, ехать туда вчера было опасно, а сейчас – поздно.

Пашка слышал каждое слово. Жалел, что не включил диктофон. Или что не существует специального диктофона в голове – дал себе команду и записал весь разговор. Очень уж хотелось потом осмыслить сказанное и понять, о чём речь.

Ребят, причём разного возраста, увлечённых ролёвками,

он знал. В том числе – играющих не только в лесах, с мечами и арбалетами, но и в городе, с разными квестами-дозорами. Игра?

Но он помнил, как Алёнка читала «Реквием», как бежала спринт, как отвечала на вопросы. Сейчас у неё было такое же серьёзное лицо. Какой-то неизвестный выходил на связь на юге Питера. Кто-то его засёк, и оставалось надеяться, что этот неизвестный оторвался от погони.

– Так что ждём. Да, кстати, насчёт завтра, по поводу сквера. На месте надо быть с шести утра. Вот с этим мы точно вдвоём справимся. Главное, не проспай. Раньше меня? Тогда сама позвони. Пока.

Отбила звонок, взялась за недоеденную пиццу. Пашка негромко кашлянул, потом осторожно сказал:

– Алён. Извини, что услышал. У тебя проблемы? Может, я...

Хотел сказать «попробую решить». Нет, слишком лихо. Попроще.

Алёнка удивлённо взглянула на него.

– ...попробую помочь?

– Как? – спросила Алёнка.

– Узнать, кто преследует вашего знакомого. Ну и как-нибудь решить проблему.

– Паша, извини, ты не поможешь.

Пашка замер от сложного коктейля удивления и возмущения. Он что, не может решить какую-то проблему? Если ка-

кая-то банда или даже районная полиция преследует друга Алёнки, не важно, в Купчине или Пулкове... Да он только отцу позвонит.

Алёнка продолжила:

– Зато есть другая проблема, с которой ты, наверное, сможешь помочь. Если договоришься с корпорацией «Севердомстрой», чтобы она не застраивала сквер на углу проспекта Энгельса и улицы Лейпцигской, то всё будет в порядке и я завтра выплусь. Только придётся получить письменный документ об отмене намерений. Устных уже недостаточно.

Пашка удивился, хотел расспросить о подробностях. Но тут появился опоздавший чиновник, и всех пригласили на финал.

Тему и подтемы выбирали финалисты. Тема досталась Алёнке, та сразу же назвала Италию. «Ну да, где пицца, там и Италия», – подумал Пашка.

Подтемы выбрал он – по замыслу организаторов, это уравнивало шансы. Их было три: «Спорт», «Регионы», «Литература». Все с интересом смотрели на него.

«Парень обязан выбрать спорт», – улыбнулся Пашка. И громко сказал:

– Италия и литература!

Показалось, что Алёнка замерла от удивления. Потом тоже улыбнулась, кивнула – начинаем.

Сначала Алёнка вспомнила, из какого города бежали от

чумы герои «Декамерона». Пашка сравнял счёт, сказав, что во флорентийском соборе Санта-Кроче находится символическая могила Данте, а сам он не вернулся в родной город даже мёртвым. Потом пришлось вспоминать, кто из героев «Чиполлино» в конце книги стал носильщиком на вокзале. Барон или Герцог.

Пока Пашка вспоминал героев мультфильма, Алёнка уверенно ответила – Барон. И вышла вперёд.

После следующего вопроса на экране появился фасад театра.

– Он назван в честь итальянского писателя, – сказал учитель-ведущий. – Но его прославила не пьеса, а роман. Только один роман. Герои этой истории любят друг друга. Но им предстоит пережить разлуку, бунт, войну, чуму. Имя писателя...

Пашке показалось, что Алёнка готова ответить. Проигрывать он не хотел...

– Алессандро Мандзони! – крикнул Пашка, поднимая руку. И даже вспомнил название романа: – «Обручённые».

Счёт сравнялся.

– Художник и изобретатель, слывший у современников чародеем, стал героем романа русского писателя...

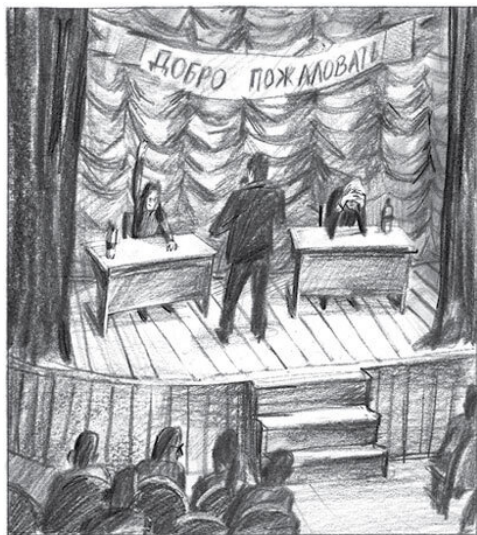
«Изобретатель, слывший чародеем, – Леонардо да Винчи, – догадался Пашка. – Вот только кто писатель? “Код да Винчи” написал Дэн Браун, при чём здесь русский?»

– Леонардо да Винчи. Дмитрий Мережковский, роман

«Воскресшие боги», – уверенно сказала Алёнка.

Перед следующим вопросом возникла пауза. Голос учителя был и весёлым, и чуть смущённым.

– Довлатов приводит в своих «Записных книжках» такой эпизод. Во время визита в Польшу для советского министра Громыко был устроен банкет под открытым небом. Под конец ужина гость спросил польского писателя Ружевича, где ему найти туалет. Ружевич ответил: «Вам? Везде!!!»

И участники финала, и зрители усмехнулись. Кто-то из педагогов неодобрительно буркнул: «Как можно при детях?»

Но ведущий продолжил:

– В этой ситуации польский писатель процитировал книгу великого немецкого поэта, которому в восемнадцатом веке житель небольшого городка сказал те же самые слова в ответ на такой же вопрос. Имя немецкого поэта?

«Восемнадцатый век, Италия. Небольшой городок... Что за великий немецкий поэт?»

В этом сюжете чувствовалось что-то знакомое. Но единственная ошибка – поражение. Так кто же это? Кто же это? Думай, голова...

– Иоганн Вольфганг фон Гёте, – сказала Алёнка. – По-итальянски было сказано немного по-другому: «Там, где вы пожелаете». Город назывался Маль... Мальче...

– Мальчезине, – пробормотал потрясённый Пашка.

Да, действительно, в его любимом городе есть музей Гёте. Да, что-то такое он помнил. Но почему ответ пришёл в голову Алёнке? Ведь она же там, наверное, не была, а он – десять раз! Это же нечестно! Или честно?

– Спасибо, – кивнула девочка. И взглянула на ведущего вопросительно.

– Точный ответ дала Алёна Чистякова, разница между финалистами составляет два балла в её пользу, победитель – она, – сказал учитель.

– Может, дать Павлу шанс сократить разрыв? – спросила Алёнка.

Пашка помотал головой. Потом произнёс: «Нет». После

того как соперница вспомнила городок, где ему был знаком каждый переулок, сказать ему было нечего.

Ведущий кивнул. Секретарша кликнула запись, и раздались победные трубы. Межшкольное троеборье завершилось.

«Подойти к ней или не надо?» – думал Пашка. Пока думал, шанс был упущен. Директор школы громко спросил, кто будет убирать пищу. Выяснилось – у уборщицы выходной и оставлять ей на понедельник дополнительную работу неправильно.

Пашка вздохнул, насчитал шесть пустых коробок, одиннадцать с недоеденными пиццами и три с нетронутыми. Пустышки и картонки с обедками выкинул. Хотел оставить пиццы учителям, те отказались. Пришлось уйти с коробками в руках.

Едва вышел, подъехал автомобиль с Андреичем.

– Николай Андреевич, не хотите? – спросил Пашка.

Телохранитель поблагодарил и спросил:

– На вашей олимпиаде призы пиццами выдавали?

– Ну да, – ответил Пашка, только сейчас вспомнив, что награду за второе место – простенький планшет в полиэтиленовом пакете – забыл в одном из классов.

Возвращаться не хотелось. К тому же думалось: поеду по улице, может, догоню, увижу Алёнку.

Не догнал, не увидел.

Пашка долго искал Алёну Чистякову в ВК, тик-токе – повсюду. Не нашёл. И не запомнил, из какой она школы. Теперь не узнаешь, что у неё за сложности со строительной корпорацией и смогла ли она решить другие проблемы, с которыми Пашка не поможет.

А ещё Алёнке можно было бы подарить зонт. Тот самый тяжёлый зонт, привезённый для Алины. Забавно, не Алинке, так Алёнке.

Пока что старинный зонт пылился в шкафу, а вот бычок стоял на книжной полке, по соседству с другими безделушками-сувенирами. «Зачем тебе третий рог?» – иногда спрашивал у него Пашка.

Бычок не отвечал. Он уютно поселился между настоящим индейским томагавком и подарочным альбомом «Энциклопедия самурая». Иногда казалось, не просто поселился, а спрятался.

Похоже, как и в антикварном магазине, бычок не хотел быть на виду у всех. Хотя гостей Пашка в Питере не принимал.

Некого.

Глава 5. Сокровища и сигналы

– Что операция сорвалась, я уже понял. Почему сразу не приехал?

– Прошёл экспертизу, сдал экспресс-анализ. Вот справки. Удостоверьтесь, в крови ни алкоголя, ни наркотиков.

– Зачем?

– Потому что, Иван Борисович, когда я расскажу, почему сорвалась операция, вы сами меня отправите на эту экспертизу.

Бумажки – два чуть помятых белых листочка – лежали на лакированной ореховой столешнице. Выглядели они несерьёзно. Зато всё вокруг было очень серьёзным. Сам стол – огромный, массивный, блестящий – выдержит медведя. Высокие кресла, обитые натуральной кожей. Шкаф с такими крепкими полками, что на них вместо тяжёлых папок могли бы стоять чугунные трёхпудовые гири.

Люди за столом – руководители большого строительного треста – тоже были очень серьёзными. Если они брались за объект, то всегда сдавали в срок. И горе тому, кто пытался им помешать. Например, доказать, что на месте будущего жилого комплекса должен остаться сквер.

Но на этот раз случилось что-то очень странное и несерьёзное.

Генеральный директор молчал и слушал подчинённых –

исполнительного директора Ивана Борисовича и директора по безопасности Кудрявцева, человека с мужественным, но напуганным лицом. Он-то и принёс справки о том, что его сознание не искажено.

– Всё шло согласно плану... – начал Кудрявцев.

– Который ты и составил, – уточнил Иван Борисович.

– Ну да. Подвести трейлер поближе, спустить бульдозер своим ходом, проутюжить объект. За десять минут снести деревца и скамеечки, чтобы был нормальный пустырь. Время подходящее – семь утра, ещё темно. У идиотов-активистов – ночное дежурство, палатки, спальники. Я подъехал, наблюдаю. Мои спасатели уже готовы...

– Спасатели? – усмехнулся Иван Борисович.

– Ну да. Спасать идиотов, если те станут бросаться под бульдозер. Даю отмашку – бульдозер катит, спасатели идут слева-справа, всё спокойно, красиво, по плану. Вдруг как грохнет – и перед бульдозером столб пламени.

– Светошумовая граната?

– Нет, – махнул рукой Кудрявцев. – Я такие гранаты сам кидал. А тут – ничего не понял. Будто газопровод разворотили и газовое облако загорелось. Только никого не обожгло. Бульдозер встал, я даю команду проверить ближайших дедушек-бабушек – может, у них в кармане ещё одна светошумовуха? – не обыскать, конечно, просто дружески похлопать. Ребята так и сделали. Проверили всех, не тронули только девочку с собачкой на соседнем газоне – она бы

докинуть не смогла. Девчонка – класс восьмой или девятый, хотя ростом не вышла, собачка – овчарка. Смотрят издали. Я всё же решил их отогнать, подошёл к девчонке. «Девочка, это зона строительных работ». А она: «Здрасьте, а где ваше разрешение на их проведение?»»

– Понятно, – кивнул Иван Борисович, – из этих.

– Я – на шаг к этой продвинутой малявке. Жду, когда пёс на меня рыкнет. Ещё лучше – кинется. У меня лицензия и боевые патроны. А пёс без намордника. Девчонка что-то шепнула, пёс открыл пасть, странно гавкнул. Или даже не

гавкнул. Смотрю, девчонка на месте. А рядом...

Кудрявцев замолк, коснулся своих бумажек. Подтолкнул справки к начальству.

– Рядом зверь. Раза в четыре выше собаки. Или в шесть. Помесь медведя с тигром в двойном размере, с метровыми клыками. Такого из пистолета не завалить. А ноги сами пятятся. Запнулся, упал. Поднимаюсь, вместо зверя – та же собака. Будто ничего не было. И девчонка улыбается, даже хочет. А у меня ноги бастуют.

– У вас была видеофиксация? – спросил Иван Борисович.

– Была, – после небольшой паузы сказал Кудрявцев. – И ничего не записалось. Ни на камеру, ни даже на мобильник.

Поскорее продолжил:

– Тут бульдозер завёлся. Зарычал, прополз чуть-чуть и замер. Я на подножку, ору: «В чём дело?» А шофёр: «Не могу. Только поехал, у меня в глазах кино началось. Увидел, как старушки здесь ямы копают и сажают деревья. Детишки в песочнице возятся, строят песчаный городок. А потом все посмотрели на меня с укором».

– Сейчас заплачу, – ухмыльнулся исполнительный директор.

– А я вытащил шофёра из кабины. Как вперёд, где тормоз – знаю, большего мне не надо. Только поехал, как и мне пустили видеоряд.

– Бабушки с лопатками и кустиками?

– Если бы... Забор, на нём колючка спиральями, в три

ряда. Потом коридоры, облезлые стены. Дверь с маленькой форточкой. Комната, нары в два ряда, зарешеченное окно. И внутри, по решётке, стекает вода. Капает на пол, громко, будто барабанит. И жалостливые вздохи, хныканье. Я не сразу врубился, затем понял.

– Богатая фантазия, – хохотнул исполнительный директор, – продолжайте.

Кудрявцев вздохнул, так как перешёл к самой непростой части рассказа.

– Мне уже всё равно, кто это транслирует. Зажмурился, вперёд! И чувствую – что-то не то. Холостое движение. Глаза открыл – передо мной вершина берёзки. Мелкой, недавно посаженной. Смотрю в сторону – я на уровне второго этажа. Вместе с бульдозером. Все остоленели, значит, видят. Только девчонка с собакой рот не разинула. И рядом с ней вторая девчонка появилась, ростом повыше. С голубем на плече. И этот голубь крылья медленно поднимает, будто хочет с её плеча улететь, но ленится. Я уже собрался прыгать из кабины, пока мы на третий этаж не поднялись. И тут бульдозер опустил. Не то чтобы совсем мягко, я подпрыгнул, язык прикусил. Но опустил, а не рухнул. Слышу, бульдозерист мне: «Начальник, давай уедем». Я спорить не стал. Не верите – спросите ребят.

Иван Борисович молчал. Только быстро постукивал по клавишам серебристого ноутбука, который выглядел в этом кабинете дерзко-легкомысленным. Потом сказал:

– Погуглил «парящий бульдозер». Сегодня это событие не зафиксировано. Ни снимка, ни видео, ни в телеге, ни в ВК. Значит, не было.

Кудрявцев открыл рот, чтобы возмутиться. Но тут впервые заговорил генеральный директор:

– Я не знаю, кто хочет перехватить территорию. Но распылить такой сильный галлюциноген стоит недешёво. Пока этот проект заморожен. Отбой.

Рук обжился в квартире. Питался картошкой, пил кофе. Общался с котами, рассказывал Женьке, что они думают о хозяевах. Исследовал комнаты, принимался к предметам. Иногда делился своими открытиями. Например, что одно из растений – дерево, предки которого когда-то росли в удивительном лесу, где не бывает снега даже зимой. Или, сунув нос в кладовку, сообщал Женьке – там, мол, самодельные грузила для удочек, перелиты из свинца, прежде бывшего пулями. Но с этими пулями охотились не на зверей, а на людей.

– Ты догадался? – спросил Женька.

– Нет, – ответил барсук. – Я почувствовал это. И ещё понял, что мог бы рассказать тебе про жаркий лес или охоту людей на людей – мне показалось, будто я их увидел. Но не хватает силы. Представь, ты нашёл улитку, она вкусная, а зубов, чтобы раскусить, у тебя нет.

– Давай заменим улитку орехом, – предложил Женька. – Тошнит от твоей фантазии. А охота людей на людей – навер-

ное, война.

Несколько раз, по вечерам, выходили искать деньги. Женька надевал плотные перчатки, брал фонарик, совок с узким лезвием – вытаскивать монетки из мусора.

Увы, только они и попадались. Причём мелкие. Причём обычно там, где копаться неприятно, – на остановках. И ни разу за вечер не набралось больше трёхсот рублей.

И каждый раз в экспедицию он выходил с опаской. Когда проезжала чёрная машина или они проходили рядом с такой, думал: «Сейчас выйдут, спросят – что у нас в рюкзаке».

Искать клад пока не начинали. Барсук честно вглядывался в экран ноутбука, запоминал старинные монеты. Кстати, Женька выяснил – Рук различал цвета. Он запомнил и золотой империал, и серебряный рубль. Только где их взять? Как вычислить нужный дом? В таких пусть воротам и двести лет, охрана современная. Подойти, позвонить в домофон: «Пустите, хочу у вас в подвале клад поискать»? Нет. Действовать надо наверняка. Женька запомнил, как в первый час их знакомства барсук помог увидеть погоню сквозь стены автомобиля.

– Потому что это был Зверинец, – пояснил Рук. – Каждый из нас, получивший Дар Горсти, хорошо чувствует Чёрную погоню. А людей в обычном автомобиле не могу разглядеть. Мне нужно найти Дом. Тогда научусь видеть предметы за тремя стенами.

«Да, это было бы неплохо, — грустно думал Женька, — пусть научится и видеть за стенами, и лечить». Мама, как и прежде, шутила при каждом посещении и называла себя постоянным жителем больницы.

Итак, надо было найти Дом. Рук запомнил, что это там, где Приморский. В Женькиной памяти всплыла станция метро на зелёной ветке. Решили туда съездить и опять выйти на связь.

Против трамвая барсук не возражал, а вот в метро забеспокоился.

— Очень глубокая нора, — шептал он. — Как люди смогли её выкопать? Как они из неё выберутся, если станет опасно?

Женька не смог ответить на оба вопроса. Только сказал — метро проложили давным-давно.

Рук молчал до перегона между «Гостиным» и «Василеостровской». А там испугался всерьёз.

— Ген, ты знаешь, что над нами вода? Очень-очень много воды. И она течёт! Большая река! А она не затопит? Мы не сможем выплыть!

Женька вспомнил своё первое путешествие в метро, когда он тоже немного боялся: над нами Нева, вдруг прорвётся в тоннель. Сейчас боялся не реки, а пассажиров. Когда мальчик говорит с рюкзаком — ладно, но когда рюкзак — с мальчиком...

Быстро перешёл в другой конец вагона. К счастью, Неву проехали, и Рук успокоился. Но всё равно, когда подни-

мались по эскалатору, казавшемуся бесконечным, попросил Женьку больше не ездить под рекой.

– Хорошо, трусишка, уговорил. Поедем в сарае.

– В трамвае, – уточнил Рук.

Когда вышли на «Приморской», Женька обрадовался, что не упросил тогда классную подняться на этой станции. Ничего интересного: многоэтажные высотки, толкотня, торговля, пассажиры, спешащие к остановкам.

Перешли дорогу и оказались на набережной то ли реки, то ли канала. Возможно, он вёл к морю, но сейчас Женьке было не до этого. Если бы просто шёл в гости, открыл бы карту в телефоне, проложил маршрут. Но адреса у него нет, и единственный навигатор – барсук в рюкзаке.

– Выходи на связь.

Женька думал – барсук будет хрюкать или свистеть. Или выдаст в эфир ещё какие-нибудь странные звуки. Но Рук лишь сказал несколько незнакомых, но разборчивых слов. Потом замолчал. Женька приготовился разочарованно вздохнуть, когда барсук сказал:

– Нас слышат.

– И что говорят?

– Ругаются. Ругают тебя, – уточнил Рук. – Было же сказано: «Приморский». Приморский район, а не станция «Приморская».

Женька вздохнул: мой косяк, не поспоришь. Моря в Пи-

тере он пока не увидел, зато убедился, что станция и район не совпадают.

– Передай, – проворчал он, – район большой, я решил со станции начать. А сейчас куда ехать?

Ответ пришёл не сразу. Точнее, вопрос:

– Ваш Домик ещё не найден?

Женька даже не стал переспрашивать – кем. Ощутил лёгкий озноб, которого ни разу не чувствовал, пока скрывался в защищённой квартире.

– Как ты думаешь, нас нашёл... этот? – Понял, если скажет вслух слово «зверинец», станет ещё противней.

– Нет, я бы почувствовал, – ответил Рук.

Женька велел так и ответить.

– Тогда, – озвучил Рук, – возвращайтесь и ждите седьмого января. Это безопасный день. До этого ничего не делайте. Пока не встретимся – никакого волшебства. Вы далеко от метро?

– Нет, – ответил Женька.

– Тогда идите туда как можно быстрее, – посоветовал невидимый собеседник. – Не стойте в безлюдном месте, лучше – в толпу. И помните, если вам сейчас прикажут немедленно идти на встречу с кем-то или дожидаться кого-то здесь – это Зверинец! Пока, удачи, бегите!

При слове «зверинец» Женьке показалось, будто ему вылили за шиворот кружку ледяной воды. Прикусил губу, унял озноб и страх, быстро зашагал к метро. Потом сорвался на

бег. Видел издали зелёного человечка на светофоре, разогнался, надеялся успеть. Но человечек задёргался и, когда Женька добежал, уже стал красным.

– Куда, дурачок! – крикнула тётка средних лет с тяжёлой рыночной сумкой в правой руке.левой схватила Женьку за руку, не позволив рвануть перед машинами. – На поезд опаздываешь?

– Да, – ответил запыхавшийся Женька.

Красный человечек застрял на светофоре надолго. За это время тётка успела объяснить Женьке, что поездов много, и если опоздал, то уедешь на следующем, а жизнь – одна.

– Они здесь. Близко, – донеслось из рюкзака.

Не только тётка, но и ближайшие прохожие устали на Женьку. К счастью, загорелся зелёный, и Женька стартовал. Да так, что вылетел на противоположную сторону едва ли не быстрее, чем встречные пешеходы сделали два шага. Что-то кричал, кажется «пропустите», огибал людей. Вбежал по ступенькам, приложил проездной и продолжил бег уже по движущимся ступеням вниз. Да так быстро, что удостоился громового оклика от дежурной:

– НЕ БЕГИТЕ ПО ЭСКАЛАТОРУ!

Промчался по платформе, заскочил в открывшиеся двери. Пошатываясь, прошёл в передний, пустой закуток. Снял рюкзак, сел.

– Я их не чувствую, – сказал Рук.

– Это хорошо, – медленно ответил Женька. – Дружище, извини, мы опять в глубокой норе. Можем выйти на «Васи-леостровской» и переехать большую воду по мосту.

– Не надо, – Женьке показалось, что в глубине рюкзака барсук махнул лапой, – давай останемся в норе. Чем дальше окажемся от места, где нас обнаружили, тем лучше.

– Молодец, – сказал Женька, ощущая, что дыхание более-менее приходит в норму. – Когда будем проезжать под рекой, поговорим о чём-нибудь хорошем. Например, как проведём каникулы и как выйдем на связь в безопасный день. До января уже недолго.

До января действительно оставалось недолго. Но до этого должно было закончиться первое полугодие.

Его итоги оказались для Женьки неплохими. Тройки только по литературе и истории. Зато пятёрки по физике, алгебре, химии. Была бы и по физкультуре, но в этой школе на физре отметки не выставляли.

После совета новых друзей Женька больше не выходил из квартиры с Руком, потому и бояться было нечего.

За три дня до Нового года в город наконец-то пришла зимняя зима. Снег, выпавший в очередной раз, растаял лишь на дорогах и подоконниках, да и то не на всех. Зато укрыл газоны, слежался на асфальте, заставляя прохожих скользить

и ругать дворников-лентяев.

Женька радовался. И снегу, и лёгкому морозцу. Посвистывал, скользил. Особенно обрадовался, когда снег опять посыпался вечером, навстречу уже лежавшему. «Ещё, ещё, пусть лыжня будет», – шептал Женька.

Снегопад обрадовал не всех. В последний учебный день, за пять часов до школьного бала Юлька Солдатов жаловалась одноклассникам:

– Вчера забрала Мишку из садика. Он меня затащил на горку – на новой площадке, возле дома восемнадцать. Сначала катался, потом я стала с малышкой в снежки играть. Играли, гонялись. Пришла домой – нет серёжки. Нет, и всё. Вернулась, а там уже и натоптано, и снег напал. Час искала, замёрзла, не нашла.

Вздыхая, показывала вторую янтарную серьгу. Девчонки разглядывали, сочувствовали. Некоторые тайные недоброжелательницы восхищались оставшейся серьгой с едва скрытым злорадством – не будет же она носить её одну.

– Я их в Калининграде у родителей еле выпросила. Говорила, это не просто большие янтарины, это шедевр. Купите, а мне подарите на день рождения. Носила меньше месяца...

«Так у неё был день рождения недавно, – Женька прислушивался к Юлькиным жалобам издали, – жаль, не знал, поздравил бы». Пусть Юлька его и обидела в Русском музее, но поздравить её хотелось всё равно. Даже если осмеёт.

– И самой обидно, и перед родителями стыдно, – тихо ска-

зала Солдатова, – теперь хоть вечером не иди. Может, найдёт кто...

– Посмотрю в инете, где арендовать металлоискатель, – наконец сказал Гераськин, и явно не в шутку.

Воцарилась тишина. Женька, пожалуй, впервые видел вечно насмешливую Юльку настолько расстроенной.

Дома Женька зашёл в ВК, заглянул к Юльке. На её стене висело фото той самой серёжки, потерявшей сестру-близняшку. Под фотографией – карта микрорайона с детской площадкой, полоска расстроенных эмодзи, сердечки. Комментарии отключены: Юлька не нуждалась ни в шутках, ни в утешениях.

– Красивая шишечка, – заявил Рук, взглянувший на экран.

– Ага. Чужая проблема. Свою бы решить.

Женькина проблема была меньше Юлькиной – не нашёл костюм для бала. «Надену рубашку, сверху свитер, в гардеробе уберу его в рюкзак, – решил он. – Кстати, раз уж беру рюкзак...»

Женька думал над этим полдня. Во-первых, серёжку уже нашли, во-вторых, Юлька опять над ним посмеётся, в-третьих, даже если не посмеётся, то всё равно будет весь вечер танцевать с кем-то другим, а не с ним, шутком. В-четвёртых, в-пятых...

Когда до бала остался час, все отмазки закружились сне-

жинками и куда-то улетели. Вот только успеет ли он вернуться и оставить барсука в квартире?

– Рук, ты запомнил серёжку? Ту самую шишечку?

Барсук чуть не обиделся.

– Тогда полезай в рюкзак, – сказал Женька виноватым тоном. – Извини, что раньше не решился. Сходим поищем. Потом посидишь в рюкзаке в гардеробе. А я побуду там немножко, и домой. Лады?

Барсук спорить не стал.

С первого взгляда Женька понял – серьгу искали, кое-где раскопали до песка. Но Рук тотчас же заметил, что не там.

– Иди на край. Сугроб, чуть левее. Люди сгребли сюда снег. Копай.

– Мама, а можно мне тоже говорящую лопатку? – сказала малышка, несмотря на лёгкий минус, закутанная, как полярный исследователь.

Мама сказала, что таких лопаток не бывает.

– Как не бывает! Она только что сказала: «Не можешь найти, выпусти меня, я тебе откопаю».

Мама пригляделась к Женьке. Но тот резко сказал: «Есть!», что-то сунул в карман и помчался к школе.

Возле школьного крыльца толпились ребята. Юлька Солдатова стояла в стороне, редкий случай – одна. «Интересно, если серёжка не найдётся, она не пойдёт на бал?» – подумал

Женька.

К Юльке подошла подружка. Донеслось: «Нет, не нашлась. Дашка, спасибо, не надо...»

Женька приблизился. На миг на Юлькином лице появилась недовольная гримаса: мало прочего горя, ещё тёмный мальчик явился. И всё же гримасу сменила искорка надежды.

– Юля...

Женька начал рыться в кармане. Перчатка, какие-то бумажки, много мелких монет – трофеи прежних поисков. «Неужели потерял?!»

– Что «Юля»? – сердито сказала Солдатова.

– Юль, это она? – несмело сказал Женька и раскрыл ладонь.

Юлька несколько секунд смотрела на серёжку. Потом схватила, поднесла к глазам. Взяла Женьку за плечи, потянула к себе и поцеловала в щёку.

– Всё-таки расскажи, как ты сумел её найти. Знаешь, сколько народу пыталось...

– Я Даркбой. Я вижу во тьме, – сказал Женька.

Всё оказалось проще, чем думалось. Половина парней пришли в свитерах. Кое-кто был в джинсах и кедах. На таком фоне чёрные брюки, белая рубашка и почищенные в гардеробе ботинки выглядели аристократично.

Бал – или вечеринка – начался с классических танцев. И

тут оказалось, что Женька прекрасно помнит уроки в студии – мама водила в первом классе. Он легко кружился, не сбивался с ритма и успевал болтать с Юлей.

Солдатова снова и снова расспрашивала, нет ли у него третьего глаза – Женька сперва подумал, что это наполовину разбитые очки, – бывали ли у него в роду тайновидцы и снятся ли ему вещие сны. Юлина прабабушка была настоящей ведуньей, и Юля постоянно искала в себе тайные способности и смотрела различные телепередачи вроде «Битвы экстрасенсов». К сожалению, Женька ведьмами не интересовался, а рассказывать про волшебного друга, оставленного в рюкзаке в гардеробе (кстати, как он там!), он не собирался.

– А Расскажи-ка о своей Тьме. Ой, извини, Тотье, – наконец попросила Юля.

И Женька рассказал про Вологодскую область, про вологодское масло и почему Иван Грозный не перенёс столицу в Вологду. А ещё объяснял, как здорово скатиться с крутого берега в реку Сухону на ватрушке. Промчаться по замёрзшей реке на снегоходе, в облаке ледяного крошева. И просто пройтись по утреннему зимнему городу, когда даже в центре все топят печи и отовсюду долетает запах дровяного дыма. Иногда спрашивал: интересно? Ведь Юлька легко могла обсмеять болтовню партнёра по танцам. Но она слушала и удивлялась, что у Женьки только тройка по истории.

Они танцевали снова и снова. Иногда выходили в коридор, где подготовили простенький фуршет: чай, сок, кон-

феты, печенье, фрукты. Женька чистил мандарины, себе и Юльке, и продолжал рассказ о Тотье и Вологодчине.

– Но всё-таки, – внезапно спросила Юля, взяв его за плечи, – как же ты нашёл серёжку? Я её искала часа полтора, и ещё несколько ребят. А тебе удалось.

Женьке бы отшутиться. Но ему было приятно, что она так долго и внимательно слушала про его родной дом. Захотелось и дальше выглядеть героем-всезнайкой, пусть и в шутку.

– Даркбои видят не только во тьме. Их взгляд пронзает землю, снег и воду. Захотел найти, увидел и нашёл.

Думал, Юлька усмехнётся. Но она буквально впилась взглядом в Женьку.

– Правда? Такие люди действительно есть. Так ты, значит, ясновидец! Ты и раньше находил вещи под снегом и землёй?

– Ну, ясновидец или тёмновидец... – чуть смущённо начал Женька. – Может, и находил, но клады точно не выкапывал.

Ситуацию спас Гераськин. Подошёл, выбрал в вазочке конфету – большую, шоколадную, с абрикосом внутри, – слопал, спросил Юлю:

– Пытаешься познать тёмную сторону силы?

– Нет, говорим о более интересных вещах, – чуть сердито ответила Юлька.

– О каких? Ты объясняешь нашему тёмному другу, почему Медный всадник стоит не на Дворцовой площади?

Женька напрягся – вдруг она расскажет Гераськину о его ясновидческих способностях.

– Нет, это Даркбой мне рассказывает о Русском Севере, – лукаво улыбнулась Юлька.

А вдруг она всерьёз отнеслась к шутке и думает, будто его взгляд пронзает землю и воду? Но на душе у Женьки было так легко, что он сразу забыл про это. Гераськин было начал – мол, тебе уроков мало, но Юлька перебила его вопросом:

– А ну-ка, назови имя северного города, в которое включено слово «юг». Подсказка: сейчас гостя из этого города ждёт Мишка.

Гераськин задумался, даже конфету не смог дожевать. Юлька не вытерпела:

– Великий Устюг, от слов «устье Юга». Юг – река. Гость, которого ждёт мой братик, – Дед Мороз. И кто здесь тёмный мальчик?

Гераськин доел ещё одну конфету и ушёл.

Когда в зале начался очередной быстрый танец, Женька сообразил навестить Рука. Он тут болтает и веселится, пьёт колу, ест мандарины, а друг – в рюкзаке. Пусть не застёгнутом до конца – не задохнётся, – но всё равно нехорошо. На два часа бросил, даже больше.

Женька поспешил в гардероб. По дороге ругал себя и за то, что забыл про Рука – да, не надо обманывать себя, забыл. И кстати, точно ли оставил щёлочку для дыхания? И вдруг

его уже нашли эти из...

Подумал – и уже прыгал через две ступеньки. Вбежал в тёмный гардероб. Вот нужная секция, вот рюкзак...

– Привет, Лыжник.

В секции кроме него были одноклассник Макаров и его приятель в чёрной куртке. «Зимой и летом одним цветом», – подумал Женька.

Третьего приятеля, пониже ростом, к счастью, не оказалось. Однако праздничное настроение у Женьки испарилось мгновенно. Зато вернулось настроение дня, когда он удивил «кредиторов» спринтерской пробежкой. Сейчас он был не одет, да и в гардеробе не побегаешь.

«Кредиторов», правда, двое. От этого не легче. Убежал раз – теперь ты беглец навсегда.

– Не, это бегун, – сказал парень в чёрной куртке. – Бегун, сделай нам подарок на Новый год. Мы на фейерверк собираем.

– Славон, он нищий, – хохотнул Макаров.

– Ну, не бывает же совсем нищих, – заметил парень в чёрной куртке. – Бегун, помоги хоть мелочью, будь другом. Сделай подарок.

Женьке показалось, что рюкзак шевельнулся.

«Надо их отвлечь от рюкзака, развеселить», – подумал Женька, чувствуя, как по жилам расходится волна пакостного страха. Сунул руку в карман куртки, достал пригоршню

мелочи, протянул Славону. Сказал:

– Дадите посмотреть фейерверк?

Тот взглянул на монетки:

– Нет, бегун, не дадим. Я мелочь просил, но ведь не копейки.

И швырнул деньги на пол.

Между тем Макаров пригляделся к рюкзаку:

– О, может, у него подарок там. Тяжёлый!

Поднял, передал другу.

– Ты на рюкзак посмотри, – с презрением сказал тот. – Если подарки такие же, он отоварился в торговом центре «Бомжовый двор».

Бросил рюкзак на пол. Занёс ногу, чтобы пнуть...

Женька не понял, толкнул он Славона в грудь или ударил, но тот рухнул на пол.

А потом до Женьки донёсся собственный голос:

– Вот сейчас я тебя убью! Просто убью.

Славон вскочил, готовый драться, но, услышав Женьку, отступил на шаг.

– Ты чё?

– Тебя в больнице будут собирать по кускам, – проговорил Женька. Негромко, но с таким напряжением, что противник продолжал пятиться.

Макаров, парализованный на пару секунд неожиданным сопротивлением, взглянул на Женьку и тоже испугался. Визгливо вскрикнул:

– Псих?

– Я псих, а ты труп! – так же ожесточённо сказал Женька.

Славон сделал ещё шаг, наступил на чей-то рюкзак – не меньше Женькиного, запнулся, рухнул на спину. Вставать не спешил.

Женька повернулся к Макарову.

– Я ничего... Мы пошутили, – промямлил тот. Потом показал на мелочь и быстро спросил: – Подобрать?

– Да. Быстро! – сказал Женька.

Нагнулся к рюкзаку. Заметил, что молнии чуть-чуть расстёгнуты. Шепнул: «Ты жив?»

– Да, – ответил Рук.

Женькин гнев мгновенно сменился радостью. Он чуть-чуть расширил щёлку, надел куртку. Потом аккуратно нацепил рюкзак.

В это время Макаров собрал мелочь и теперь стоял перед Женькой, глядя в натоптанный пол. Славон всё ещё сидел, не собираясь вставать.

Женька взлетел по ступенькам в зал. Кто-то из дежурных педагогов недовольно заметил: «Говорили же, нельзя в одежде!» Кто-то из ребят пошутил про Деда Мороза с подарками.

Женька заглянул в зал, громко крикнул:

– Юля! Юля!

На его счастье, была короткая пауза, Юлька появилась почти сразу, за ней шли несколько удивлённых одноклассников.

– Жень, ты куда?

– Извини, Юля, надо, – быстро ответил Женька, стараясь быть таким же убедительным, как в гардеробе.

Удалось. Юля сказала:

– Ну, раз надо... Спасибо ещё раз! Ребята, давайте поздравим лучшее приобретение нашей школы в этом году – Евгения Звонкова. Аплодисменты!

Все захлопали. А Юлька подошла к Женьке и снова поцеловала его в щёку. Женька – её.

Потом развернулся, громко крикнул:

– С Новым годом! – и весёлой припрыжкой помчался на выход.

Между первым и вторым этажом встретил Макарова и Славона. Они отпрыгнули каждый в свою сторону и замерли, будто по лестнице нёсся чемпион мира по борьбе в самой тяжёлой весовой категории.

– Рук, ты точно не колдовал?

– Нет, а что?

Женька отбежал от школы метров на двести. Сел на первую попавшуюся скамейку, поставил рядом рюкзак.

– Да так, ничего. Ответь, пожалуйста, на важный вопрос.

– Если знаю, то отвечу, – привычно сказал барсук.

– А если бы тебя украли, вместе с рюкзаком... Ты бы попросил их тебя мне вернуть? Или... Не вернуть, просто с тобой хорошо обращаться. Ты же не обычный барсук.

– Не могу, – без промедления ответил Рук.

– Почему?

– Не могу, – повторил Рук. – Разве я тебе этого не говорил? Я могу общаться только с тобой. Или другим волшебным зверем. И его Другом. Но, пока ты жив, больше ни с кем.

– Но ты мог их как-нибудь напугать, чтобы они отстали от рюкзака?

– Только если бы ты мне велел. Но когда тебя рядом нет, я не могу.

Снегопад прекратился, стоял лёгкий морозец, небо было ясным. Рук с удовольствием дышал, высунув мордочку из рюкзака.

«Значит, если бы эти кретины стали футболить рюкзак, он бы тоже промолчал? – подумал Женька. – И не двинул бы их каким-нибудь магическим кулаком. Он же волшебный зверь, у него Дар. И он принял его на таких условиях. А я... у меня-то какие условия? Что я должен? Только кормить его и мечтать о кладях? Нашёл друга в Питере. И забыл в гардеробе».

Женька давно не плакал. И сейчас понимал – не заплачет. Но глазам стало горячо. И он торопливо прошептал:

– Рук, можешь мне пообещать одну очень важную вещь?

– Только если это можно.

– Если со мной что-то случится. Или я, как последний дурак, закрою рюкзак на молнию и где-то оставлю... Обещаешь прогрызть ткань и вылезти? И найти меня. Или... Или

нормального Друга, который тебя точно не бросит?

– Обещаю прогрызть, – ответил барсук. – Кстати, если мы найдём Дом и я научусь всему Ларцу, то смогу прогрызть и починить. Блюз говорил, что такое волшебство существует.

– Договорились, – бодро сказал Женька.

По дороге Женька смотрел на близкие и дальние фейерверки, улыбался, вспоминал день. Смеялся над отмазками, над причинами не искать Юлькину серёжку. Вообще-то надо было станцевать с ней пару раз и уйти. Поцеловаться и попрощаться...

Кстати, вспомнилось, как у «Приморской» он вышел на связь с Друзьями, а ему сказали – до встречи с нами никакого волшебства. И он послушался, с того дня даже деньги не искал.

Но ведь сейчас он помог человеку. Вроде бы Блюз говорил, что волшебные звери обязаны совершать добрые дела. Если это запрещено, то Рук бы такого делать не стал.

Задумался об этом человеке. Сперва улыбнулся, потом улыбка сползла с лица. Девчонка симпатичная... Вот только он уж очень хорошо помнил, как её тонкие пальчики вцепились в его плечи. Глаза вгляделись в глаза – «сделай, что прикажу». И он назвал себя ясновидцем, зачем? Плохо, когда тебя так давят.

Ну ладно, мечтал с ней пообщаться – мечта сбылась.

С такими вот мыслями дошёл до подъезда. Поднял голо-

ву, поглядел на небо, посветлевшее от очередного залпа пиротехники. «Всё-таки Новый год и в Питере неплох», – подумал Женька.

Часть вторая

Глава 1. Нора времени и слайды на память

«Что может быть хуже Нового года в Питере?» – думал Пашка.

Он надеялся вырваться к друзьям, за границу. Отец не отпустил.

– Почему, папа? – не выдержав, спросил его Пашка за день до Нового года.

Папа взял Пашку за руку. Они пришли в кабинет, сели на диван.

– Потому, – медленно сказал отец, – что всё изменилось. Мне теперь запрещено ездить в Европу. Я должен быть уверен в твоей безопасности. Раньше был за тебя спокоен – если что, всегда тебе помогу, прилечу, разгребу проблемы. А теперь не смогу. Поэтому и тебя не отпущу. Даже на день.

– Спасибо, мне легче, – сказал Пашка после короткого молчания. То ли всерьёз, то ли с сарказмом.

Ещё папа предложил слетать в январе на далёкие южные острова. Пашка подумал и отказался. Тропики он не любил. Только в них прогреешься, и уже пора обратно в холодный

город.

Новый год встречал с отцом, у его партнёра в усадьбе-дворце на берегу Ладоги. Роскошно и пафосно: первый охранный кордон был ещё за три километра. Фейерверк напоминал испытание атомной бомбы средней величины. Компания – скучная. Из ровесников – только девица на год старше. Поначалу показалась смешливой и сообразительной. Позже выяснилось, родители приговорили её к Новому году в России за то, что разбила автомобиль. Девица капризничала, требовала от Пашки объяснить, за что наказали его самого. Когда стала обижаться, Пашка сказал:

– На межшкольном многоборье занял второе место.

Думал – посмеётся. А девица удивилась и искренне заинтересовалась: зачем идти и позориться туда, где у тебя ничего не схвачено?

Единственное запомнившееся развлечение – топились две бани, обычная сауна и русская чёрная. Пашка парился лишь во второй, пусть и выпачкался, и обжёгся, и слегка угорел, зато – экстрим. В итоге от банного угара пришлось отлёживаться до вечера.

Второго января вернулись в Питер. Отец устроил приём в своём особняке. Гостей Пашкиного возраста не было. Это позволило отсидеть ритуальные полчаса в зале и смыться к себе, поболтать в сети с далёкими друзьями.

Увы, чужое веселье догнало и тут. Отцовские гости потре-

бовали экскурсию по дому. Обошли все комнаты, сунулись к Пашке. Спасибо, постучались. Но вломились, не дождав-шись разрешения. Шутили, удивлялись, а Пашка жалел, что в кабинете нет неприятного сюрприза на случай непрошенных визитов. Например, скелета с дистанционным управлением, который внезапно выскочит из шкафа и полезет обниматься.

И всё же гости нашли развлечение. Один снял со стены точную копию лука времён Чингисхана, привезённую из Монголии папиным деловым партнёром. Пашка частенько себя поругивал, что ленится с ним упражняться.

Гость поднял лук, натянул тетиву и крикнул:

– Я Стрелец по зодиаку!

Другой папин приятель скользнул взглядом по полке. Чуть не взревел от радости – Пашка сразу не понял почему. Потом стало ясно. Гость схватил трёхрогого бычка – «Энциклопедия самурая» с грохотом упала на пол. Схватил, вытянул руку, встал рядом с лучником, заорал:

– А я – Телец. Телец и Стрелец. Снимите нас на счастье в наступившем!

Так и позировали минуты две, один – с бычком, другой – с луком. А Пашке хотелось схватить висевший на стене томагавк и швырнуть. В непрошеного гостя, схватившего бычка. Было реально обидно – ведь можно же спросить, прежде чем лапы тянуть?

Обиду на следующий день высказал папе. Поинтересовался:

– Что это был за клоун? Который Телец.

Отец не обиделся за своего гостя.

– Так, мелочь питерского масштаба. Филатов, генеральный директор «Севердомстроя». Но парнишка с перспективой.

Пашка чувствовал, отец готов на компенсацию в разумных пределах. Эх, выторговать бы поездку в Италию на неделю. Не удастся...

Зато сумел выпросить то, о чём прежде только мечтал, – право полетать на параплане над Финским заливом. Отец вздохнул и разрешил.

А бычок остался стоять на прежнем месте.

Поначалу Пашка хотел его спрятать. Но возмутился этой мысли – моя комната, пусть бычок живёт, где я решил. К тому же трёхрогий как будто сам хотел быть рядом, а не прятаться за книгой или коробкой.

У Женьки Новый год был простой и домашний. Маму отпустили из больницы в шесть вечера. Женька к её приходу всё прибрал, намыл, приготовил оливье и пытался замесить тесто для пирога. Мама не ругалась, не охала. Поцеловала Женьку и, не переставая расспрашивать о школьных делах, переделала оливье, поставила в духовку курицу. Правда, спасти тесто не смогла и испекла сама что-то мгновенное.

Перед этим Женька, конечно же, познакомил маму с Руком. Не краснея, сочинил, что друзья отправились на заморский курорт и попросили присмотреть за дрессированным барсуком. Рук согласился быть дрессированным и запомнил, на какие команды надо отзываться.

Мама вздохнула: «Вдруг сейчас вернётся Екатерина Сергеевна?» Проинструктированный Рук пару раз лёг перед ней на спину, подняв лапы. Мама улыбнулась, сказала, что, если не рвёт обои, не ест цветы и не гоняет котов, – пусть будет.

В полночь телевизор отключился окончательно – чуть не пропустили куранты. Подняли бокалы с газировкой. Женька громко загадал: «Мамочка, будь в наступающем году здоровой». И шёпотом добавил: «Пусть история с Руком закончится хорошо».

Легли спать рано, заснули быстро, хотя за окном до пяти утра сверкало и грохало. Женька подрых до полудня. Мама встала в девять, наготовила еды на неделю, ему и себе. А в три часа отправилась в больницу. Женька поехал с ней, проводил до проходной. Пока возвращался, чувствовал, что-то не так. Понял: за спиной нет привычного рюкзака с Руком. Будто идёт на лыжах, но без палок.

Вошёл, спросил Рука:

– За сутки говорить не разучился?

– Нет, – ответил барсук.

Кому-то такие каникулы показались бы отстоем. А Жень-

ке нравилось. Вставал поздно, пил чай с мамиными пирогами. Брал лыжи – те, что нашёл в кладовке, Рук лез в рюкзак, и они ехали на трамвае в парк. Там – три-четыре круга по лыжне. Дома обнаружил у Екатерины Сергеевны старый альбом про питерскую архитектуру – листал, хотел понять, где искать клады.

А ещё отсчитывал дни. Третий, четвёртый, пятый, шестой. Шестой подходил к концу.

– Точно сегодня? – ещё раз спросил Женька.

– Да, – ответил Рук. – Я вспомнил, мне это Блюз тоже говорил. В седьмой день января Зверинец глух. И в ещё какой-то весенний.

– Уже половина первого, – тихо сказал Женька. – Рискнём.

Они стояли на небольшом пустыре. Крепкий мороз, певучая звёздная ночь. Выйти на связь можно было бы и из дома. Но на всякий случай решили сделать это снаружи.

Донеслось знакомое слово. Через минуту Рук сказал:

– Они на связи. Говорят, что ты можешь связаться с ними сам. Называют цифры. Девять, один, один...

– Понял! – воскликнул Женька. – Погоди, сейчас наберу.

Позвонил. Откликнулись со второго гудка. Женька услышал голос девчонки, похоже ровесницы.

– Поздравляю, – сказала она.

Женька удивился.

– С Рождеством, с чем же ещё, – усмехнулась девчонка.

Женька чуть не ударил себя по лбу. Забыл! Вот в какой день глух Зверинец. Интересно, почему так? Ладно, потом выясню.

– Спасибо. И тебя тоже, – растерянно сказал он. – Я Евгений.

– Алёнка. Он кто?

Женька сразу не понял. Потом догадался, сказал:

– Барсук.

– И, как я уже поняла, транспортабелен? Сможешь к двенадцати подъехать на «Чернышевскую»? «Идеальный кофе», второй зал. Будь ровно в полдень, мы – на три минуты позже.

– А как вы меня узнаете?

– Назовём Женьками всех парней с рюкзаками, – сказала Алёнка.

– А если встретится тёзка?

– Тогда спросим: «Как зовут барсука в твоём рюкзаке?»
До встречи!

Пётр Кудрявцев – начальник службы безопасности «Севердомстроя» – отвечал на звонки с незнакомых номеров, даже если звонили на личный телефон: ситуации бывают разные. Правда, диалог редко занимал больше трёх секунд.

Сегодня произошло исключение.

– Пётр Александрович?

– Да, – ответил Кудрявцев немного раздражённо.

– А я – Александр. Пётр Александрович, нас интересуют подробности происхождения на углу проспекта Энгельса и улицы Лейпцигской шестнадцатого декабря прошлого года, в восемь утра. Мы просим вас подъехать к нам в удобное для вас время.

Говорил мужчина средних лет. Голос официальный, но не механический, не как у диктора на вокзале. В нём слышались и заинтересованность в том, чтобы собеседник отозвался на приглашение, и уверенность, что отзовётся. Чувствовался человек похожей судьбы, работавший в какой-то серьёзной спецслужбе и ушедший не потому, что карьера не сложилась, а просто на новом месте оказалось лучше. Обижать таких людей при первом контакте не следовало. Поэтому Кудрявцев не сказал: «Перезвоните после праздников». И не спросил: «Вы кто?» Понимал – по телефону не ответит.

– Как вы узнали?

– От ваших сотрудников, – сказал Александр. – Теперь хотим увидеть происшествие глазами начальника. Ваш взгляд профессиональней.

Кудрявцев знал цену комплиментам. Но одно дело, когда дешёвки применяет лиса. И совсем другое, когда льстит лев. А в голосе Александра ощущалось нечто львиное.

Как этот тип развязал языки сотрудникам – угрозами, деньгами, – придётся выяснить. Но потом. Сейчас главное – понять, что Александр хочет от него, Петра Кудрявцева.

– Вообще-то эта история для нас давно закончилась, – сказал он.

– А для нас – нет, – ответил собеседник. – Кстати, если вы фотографировали или вели видеосъёмку на месте инцидента, буду благодарен за материалы.

«Молодец! – мысленно восхитился Кудрявцев. – Значит, я уже согласен прийти, а отказ будет выглядеть прямой конфронтацией».

Но и при встрече со львом отступать надо как лев. Пятиться и слегка порывивать.

– Хорошо, если не помешает текучка, постараюсь зайти сегодня.

В голосе Александра прибавилось чуть-чуть насмешки и сочувствия.

– Текучка в праздник? Вы очень ответственный сотрудник, Пётр Александрович. Постарайтесь всё-таки зайти. Пожалеете, если не придёте.

– Это угроза?

– Нет, предупреждение о возможностях, которые легко упустить, причём – навсегда. Возможности у нас очень большие, но об этом – лично. До встречи.

Телефон замолчал. Кудрявцев криво улыбнулся.

Записал адрес. Попытался пробить номер телефона у знакомых профи – узнать фамилию собеседника. Когда убедился, что это невозможно, понял, что поедет.

...«Я впервые в центре Питера после той дурацкой поезд-

ки в Русский музей», – подумал Женька.

Тогда старался не отстать от класса, не потеряться в туристской толчее. Сегодня Женька был сам себе господин. Шёл не торопясь, глядел на прохожих и дома. Вспоминал архитектурный альбом, пытался угадать, когда построены здания. Угловой высоченный дом с башенками – наверное, перед революцией. А вот тот, что дальше, зелёный, двухэтажный – может, даже двести лет назад.

Опять подумал про клады, но махнул рукой. Пока не встретились, пока магия Рука не проапгрейдилась, подождём.

Добрался до кофейни, и в эту минуту где-то вдали громынуло. «Взрыв?» Тут же вспомнил – ровно в двенадцать дня стреляет пушка Петропавловской крепости. Значит, он чуть-чуть опоздал. Ведь в полдень должен быть внутри.

Опоздание, даже мелкое, подгоняет. Женька вошёл в кафе, немного робея. До этого он бывал в фастфудах и совсем простеньких пирожковых. Здесь же всё было иначе. Например, крепкий аромат свежемолотого кофе. Столики с лампочками, цветы в кадках, на стенах – какие-то интересные рисунки.

В первом зале, с цветами и большими окнами, сидели несколько посетителей, во внутреннем, тёмном, – никого. Женька забился в уголок, поставил рюкзак на диван. «Интересно, кто придёт раньше, Алёнка или официант?» Мама оставила деньги на каникулы, но, конечно, немного. Сколько

же стоит пирожное в таком заведении?

– Под диван рубль закатился, – сказал Рук. – Слева от твоей ноги.

Женька не успел решить, поднимать или нет, когда на пороге появились двое посетителей. Точнее, трое: две девчонки и собака. В полутьме детали особенно не разглядишь. Одна повыше, в берете, с красной сумочкой. Вторая пониже, в вязаной шапочке. Возле неё – большая овчарка.

– Это Друзья, – прошептал Рук.

Женька знал, что сидеть, когда стоят дамы, – неприлично. Поэтому встал. Надо бы сказать что-то вежливое. «Меня зовут Евгений, я вас жду». Но губы склеились.

Девчонки подошли. Та, что в берете, выступила вперёд, взглянула Женьке в глаза и тихо проговорила:

– Простите, вы не видели здесь мальчика с барсуком в рюкзаке?

Женька обалдело посмотрел на неё. И понял: девчонка смеётся.

– Привет, – кивнула она. – Алёнка.

– Маша, – улыбнулась подруга в вязаной шапке. – Будем знакомы.

– Евгений, – ответил Женька.

И мгновенно тревога исчезла. Во взгляде Маши не было ехидства, она подшутила над ним как над другом. Девчонка могла бы корчить из себя принцессу не хуже, чем Юля. Но не делала этого.

– Пошли за кофе, – сказала принцесса. – Здесь не приносят.

Женька направился за ней. Увидел, что Алёнка идёт следом. Остановился, тревожно оглянулся.

– А... ничего? – спросил он, показывая взглядом на рюкзак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.